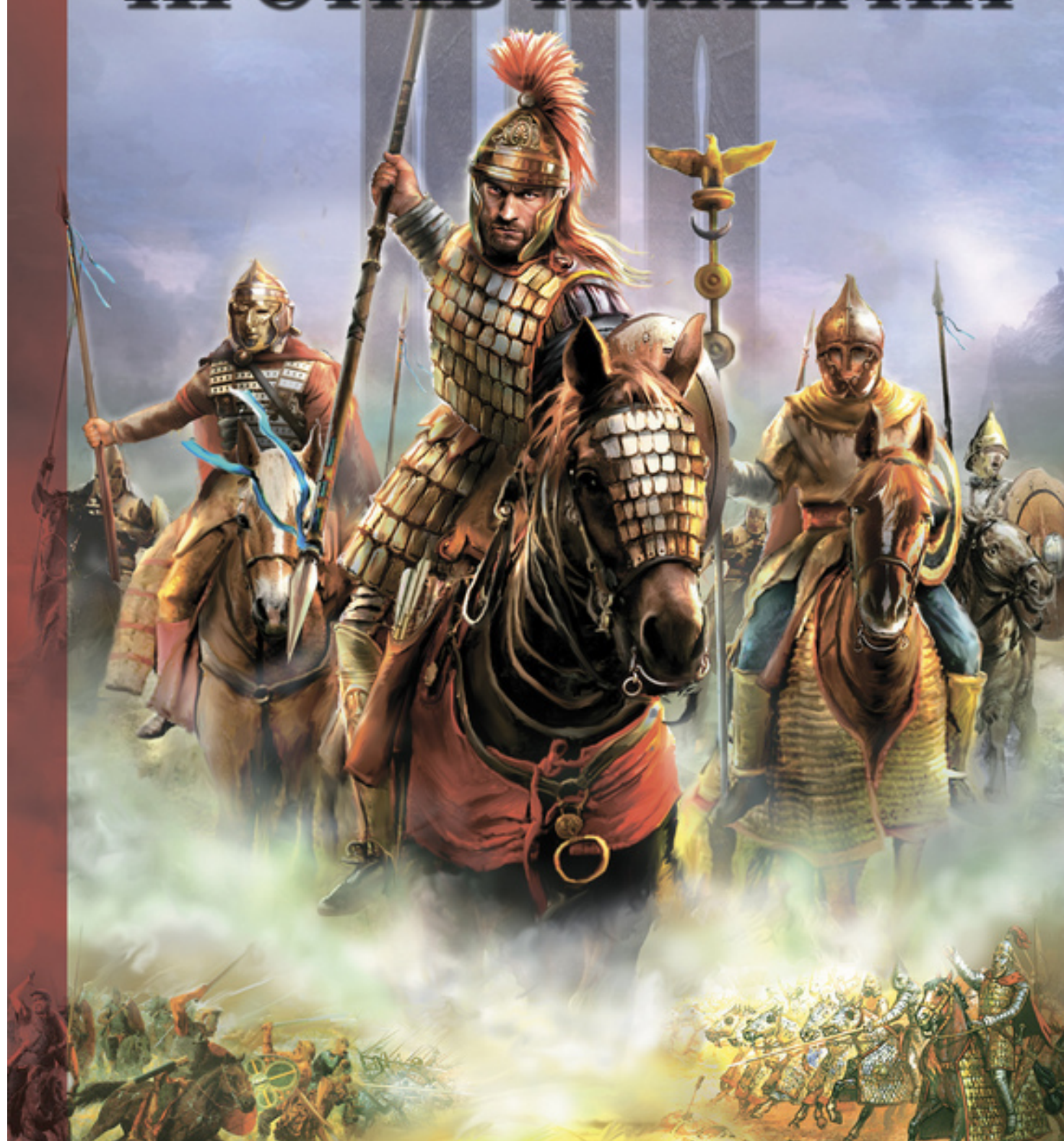

АЛЕКСАНДР МАЗИН

ЛЕГИОН
ПРОТИВ ИМПЕРИИ

Варвары

Александр Мазин

Легион против Империи

«Автор»

2011

Мазин А. В.

Легион против Империи / А. В. Мазин — «Автор»,
2011 — (Варвары)

Великая Римская империя. Третий век от Рождества Христова. Богатая имперская провинция Сирия. Мирная провинция. Но на ее границах уже скапливаются войска шахиншаха Ардашира, повелителя персов, свергнувшего парфянскую династию и рвущегося к новым битвам и к новым победам. Наместник Сирии Геннадий Павел (в прошлом подполковник Геннадий Черепанов) и его друг военный легат Первого Германского легиона Алексей Виктор (когда-то его звали Алексеем Коршуновым) должны остановить персов. Их силы ограничены, но рассчитывать на участие Великого Рима — бессмысленно. В столице сменилась власть, и от нового императора следует ждать не помощи, а неприятностей. Война неизбежна, но отдавать персам Сирию Черепанов не намерен. В его жизни бывали и худшие времена, и более опасные ситуации. А драться он умеет не хуже, чем повелитель персов.

© Мазин А. В., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	16
Глава четвертая	21
Глава пятая	25
Глава шестая	29
Глава седьмая	33
Глава восьмая	38
Глава девятая	45
Глава десятая	49
Глава одиннадцатая	51
Часть вторая	56
Глава первая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Александр Мазин

Легион против Империи

Часть первая

Средиземноморский круиз легата Алексия Виктора Коршуна

*«CAELUM, NON ANIMUM MUTANT QUI TRANS MARE
CURRUNT...»¹*

Глава первая

Девятьсот девяносто второй год от Основания Рима². Зима. Провинция Сирия. Зимний лагерь Первого Парфянского легиона

К лагерю Первого Парфянского³ Черепанов и его спутники подъехали ранним утром.

Прохладным зимним утром, когда только-только показавшееся над скалами солнце окрашивает мир в нежные розовые тона.

Лагерь был построен по стандарту: стены прямоугольником, четверо ворот, сторожевые башни – где положено и как положено. Внутри – строго по регламенту: казармы легионеров, форум, принципия, преторий, дома трибунов... Само собой – склады, конюшни, мастерские, госпиталь... Словом, тот, кто видел один лагерь, легко сориентировался бы в любом. Без разницы, будут ли это палатки, поставленные на одну ночь, или крепкие дома, в которых можно жить десятилетиями.

Преторские, главные, ворота были открыты: входи, выходи, кто желает. У створа, прислонившись спиной, завернувшись в плащ (зимней ночью в Сирии холодновато) дрых часовой.

Проезжая мимо, Гай Ингенс крепко огрел его витисом по голове. Часовой, где сидел, там и лег. В принципе, мягкое наказание. За сон на посту полагалось избиение палками до смерти.

Коршунов покосился на друга. Лицо у Черепанова было – мрачнее некуда. То, что он видел, так же мало походило на римский легион, как бабушкино платье на новую модную коллекцию.

Легионеры (с позволения сказать, легионеры) понемногу просыпались. Кое-где горели костры: там стряпали завтрак.

На кавалькаду из нескольких сотен офицеров горе-солдатики глядели с любопытством и с некоторой опаской.

– Засранцы, – выругался ехавший слева от Черепанова Гонорий Плавт Аптус. – Хотел бы я сказать пару слов их легату.

– Скажешь, – пообещал Черепанов. – Но только после меня.

---

¹ «Уехав за море, не душу, только небо меняешь...» (Квинт Гораций Флакк)

² 239 г. От Р. Х. **Внимание читателя!** Сноски даны исключительно для тех, кого интересуют исторические детали. Те же, кто хочет просто получать удовольствие от приключенческого текста, могут не обращать на них внимания.

³ Первый Парфянский легион – сформированный Септимием Севером. То есть совсем свеженький.

Они въехали во двор принципии⁴.

– Я мог бы прямо сейчас унести их Орла, – насмешливо произнес Гай Ингенс. – Клянусь сиськами Венеры, никто бы и не заметил.

Черепанов всё мрачнел. Оно и понятно. Это были *его* солдаты. С ними наместнику Геннадию Павлу предстояло защищать границы провинции. Но эти недоделки, похоже, и собственный котел с кашей защитить не в состоянии.

Геннадий остановился.

– Аптус, – сказал он. – Разошли своих людей по лагерю. Пусть посмотрят, что к чему. И доложат.

– А то и так не ясно! – буркнул бывший легат императора Максимиана.

Черепанов уперся в него тяжелым взглядом... Они были очень похожи внешне: Геннадий Черепанов и Гонорий Плавт Аптус: невысокие, мощные. С квадратными лицами и головами, будто вросшими в широченные плечи. И выражения лиц у них были практически одинаковые. С таких лиц можно рисовать плакат: «Хочешь умереть – скажи мне „нет“».

Когда-то Черепанов служил под командой Плавта. Потом они стояли вровень, но в итоге судьба оказалось более благосклонна к Черепанову. Он стал наместником богатейшей провинции. А Гонорий Плавт после гибели императора Максимиана вынужден был спасти свою жизнь. Враги Фракийца травили его сторонников, как лисиц, и непременно убили бы, если б Гонорий вместе со ста тридцатью шестью уцелевшими легионерами не отдался на милость своего недавнего политического противника и давнего друга. Само собой, Геннадий эту милость ему оказал. «Победители» Максимиана новые императоры Бальбин и Пупиен правили недолго. Их убили через два месяца после смерти Фракийца, и теперь в Риме правил малолетний Гордиан Третий, Геннадиев шурин. Правил, разумеется, слово не совсем верное, потому как из Рима уже полгода вразумительных приказов не приходило. Да и в Палатине, если верить слухам, заправлял не юный Гордиан, а его матушка. И этот факт был одной из причин появления Черепанова в расположении Первого Парфянского.

– Аптус! Ты слышал, что я сказал?

Когда-то Гонорий Плавт командовал Черепановым. Но теперь главным был Геннадий, и Гонорий Плавт это понимал.

– Да, домин! – четко произнес он. И отдал соответствующее распоряжение.

Сотня приехавших с ними людей Аптуса, отборных воинов, ветеранов (среди них не было никого чином ниже опциона), отправилась выполнять приказ, а Геннадий с оставшимися вошел в преторий.

– Небось, дрыхнет твой легат, – по-русски сказал Алексей.

Черепанов буркнул что-то невнятное. Ярость так и сочилась из него.

Легат Первого Парфянского был дома. Более того, вопреки предположениям Коршунова, он уже встал.

Легат прихорашивался. Раб держал перед ним большое бронзовое зеркало, глядя в которое командующий римским легионом тщательно разбирал складки переброшенного через плечо плаща. Надо отдать ему должное: легат был хорош. Очень высокий, намного выше среднестатистического римлянина, отлично сложенный, элегантный. Словом, образец патриция. Коршунов слышал: у легата галльские корни. Его предок был одним из тех галльских вождей, которых ввел в Сенат Юлий Цезарь.

На ввалившуюся к нему «делегацию» легат поглядел с плохо скрытым неудовольствием.

Наместника провинции он не признал. Даже не опознал в нем главного, потому что одет Геннадий был хоть и качественно, но довольно скромно. И перстней носить не любил: ограничивался парочкой, которые требовало положение и должность.

---

⁴ Принципия – штаб легиона. Позади нее размещался преторий – дом командующего легионом.

– Прочь! – бросил Черепанов рабу с зеркалом и подойдя к легату вплотную процедил:

– Я – наместник Сирии Геннадий Павел Кальва⁵!

– Сальве, – в рифму отреагировал легат. Его красивое лицо выразило смесь удивления, легкого презрения и высокомерного превосходства. – Я – легат...

– Дерьмо ты свиное, а не легат! – рывкнул Черепанов так, что потомок сдавшихся Риму галлов вздрогнул. – Ты во что превратил доверенный тебе легион?

– Я отказываюсь беседовать в подобном тоне! – гордо произнес легат. И встал в красивую позу.

В Сенате он, несомненно, имел бы успех. Но здесь был не Сенат. Здесь был зимний военный лагерь, и жест легата не оценили.

– А я с тобой не беседую! – прорычал Черепанов, подступая еще ближе. Теперь ему пришлось задрать голову, чтобы видеть лицо легата. – Я с тобой не беседую, я тебя отстраняю!

– Да неужели? – с иронией произнес легат. – Так ты, выходит, теперь не только наместник, но и император?

Вопрос был – с подвохом. В нынешнее смутное время достаточно кому-нибудь намекнуть, что кто-то, пусть даже в шутку, сравнил себя с императором, и проблем у него будет – выше крыши. А если этот «кто-то» вдобавок обладает серьезной должностью, к примеру – наместника провинции, – то может попрощаться и с должностью и, возможно, с головой.

– Нет, я не император, – четко выговаривая слова, произнес Черепанов.

– В таком случае, не тебе меня отстранять! – Тут же подхватил явно поднатворевший в диспутах легат. – Потому что меня поставил командовать император. И лишить поста тоже может только император... Один из императоров, – тут же поправился он. – А ты, выскочка-коротышка, – легат в свою очередь надвинулся на Геннадия, навис над ним, – ...если ты привез мне деньги, то отдай их казначею и отправляйся к себе в Антиохию! А если ты не привез денег, то уж не знаю, зачем ты появился, потому что тебе здесь не рады!

Зря он это сказал. Не стоило ему так хамить.

Черепанов ударил внезапно и страшно. В челюсть. Ноги легата подогнулись. Он упал на колени... И не врезался носом в пол только потому что Геннадий подхватил его за волосы.

Охрана и терпшиеся в доме с самого утра дармоеды из многочисленной личной свиты сунулись, было, на помощь, но они и шага сделать не успели, как спутники наместника обнажили мечи. И лица у них были такие выразительные, что защитники командующего легионом поспешно отодвинулись подальше.

– Коротышка, говоришь, – задрал лицо легата кверху, прорычал Черепанов. – Ну да, осел, ты выше меня на голову! Хочешь, чтобы я исправил эту разницу в росте?

Легат глядел на наместника Сирии мутными глазами и вряд ли понимал, о чем идет речь. Нокаут он и есть нокаут.

– Ингенсы! – рывкнул Черепанов. – Сдерите с него плащ и доспехи, найдите в лагере осла попаршивее, посадите на него этого комедианта и выгоните осла на дорогу. Пусть отправляется хоть в Рим, хоть в Тартар!

Потом окинул бешеным взглядом окружение поверженного легата:

– Кто-то хочет последовать за ним? Кто?

Желающих почему-то не нашлось.

– Кто префект лагеря?

– Его здесь нет, – после небольшой паузы ответил один из старших офицеров, типичный римлянин, сравнительно молодой, лет двадцати. Трибун-латиклавий, судя по пурпурным полосам на тунике.

– Так найдите его! – рывкнул Черепанов. – И постройте легион! Бегом! Время пошло!

---

⁵ Череп.

* * *

Строился легион примерно так же, как выглядел. То есть пока командиры выгнали всех из барачков, прошло не меньше часа.

Выстроились.

К этому времени успели вернуться все, кого Аптус послал разведать, что да как в лагере. Информация была неутешительная.

– Едят пустую кашу, – сообщил один из опционных. – У счастливых нашлось немного рыбы. Бобов нет. Мяса нет. Даже чеснока нет. Зато нужники воняют так, что даже против ветра чувствуешь.

Тут он был прав. Пованивало изрядно. И от нужников, и от самой толпы... Язык не поверчивался назвать *это* войском.

– Термы есть, – доложил другой. – Хорошие термы. Но без воды.

– Оружия не хватает, – поведал третий. – Один меч на троих, одно копье – на двоих. Носят по очереди.

– Жалования им не платили почти год, – добавил четвертый. – Потому и еду им привозят такую, что собака жрать не станет.

– Ну и сброд, – прошептал Коршунов на ухо другу.

Тот только хмыкнул. Разрядил большую часть гнева на легата – и немного успокоился.

– Слушай меня! – зычно, аж эхо прокатилось, рявкнул он. – Я думал: увижу здесь легионеров! И что? Вы – не легион! Вы – овечий помет, который следовало бы выгнать отсюда, разбросать по полям, а взамен прислать крепких новобранцев, из которых не надо будет вышибать палкой лень и дурь!

Человеческое наполнение Первого Парфянского недовольно заворчал. Коршунов даже забеспокоился: говнюков было несколько тысяч, а их – меньше двухсот. Но Генка крепко держал бразды правления.

– Следовало бы! – гаркнул он во всю мочь луженой глотки. – Но придется повременить! Потому что у меня нет этих новобранцев. Так что придется ковать железо из дерьма! То есть – из вас! И у меня для вас две новости: хорошая, очень хорошая и замечательная!

Гул тут же смолк. Заинтриговал их наместник.

– Начну с хорошей! – Геннадий сделал ораторскую паузу. – ... У вас теперь новый легат! Вот он! – Вперед выступил Гонорий Плавт Аптус. – Этот герой командовал Восьмым Августовым легионом! И был личным другом императора Максимиана!

– Это не тот ли Максимин, которого зарезали собственные легионеры? – раздался из строя третьей когорты гнусный голос.

Гонорий Плавт побагровел:

– Кто сказал?! Выйти из строя?!

Естественно, никто не вышел.

«Интересно, как он вывернется?» – подумал Коршунов.

Аптус вывернулся по-аптусовски. Выхватил витис⁶ у ближайшего офицера, выбросил вперед:

– Считаю до десяти! Если, когда я скажу «десять», крикун не будет стоять здесь, вся его кентурия получит по десять палок!

Сработало. Из рядов вытолкнули провинившегося легионера. Собственно, называть *это* легионером не стоило. Тощий небритый мужик без всякого намека на серьезное оружие (только нож на поясе), зато – в старом парфянском шлеме.

---

⁶ Палка из виноградной лозы. Атрибут кентуриона и заодно средство дисциплинарного воздействия.

Ни слова не говоря, Гонорий шагнул к нему... Витис мелькнул в воздухе, и бездыханный болтун рухнул наземь. Шлем откатился в сторону.

– Ты и ты! – Витис указал на двух легионеров в первой шеренге. – Оттащите падаль и выбросьте в выгребную яму! Еще услышу что-то неуважительное о *покойном* императоре – пятьдесят палок!

– Лучше не скажешь! – поддержал Черепанов. – Законы об оскорблении величества касаются даже мертвых императоров!

Очень дипломатично, хотя и спорно. Там, в Риме, вряд ли бы кому-то понравилось, что он отдает легион другу ненавистного Фракийца.

– Теперь очень хорошая новость! – продолжал Черепанов. – Да, я знаю, что вы не стоите даже дерьма, которым завалены ваши нужники! Однако с сегодняшнего дня вам, козолобы, удвоят жалование! И вы сможете его получить прямо сейчас! Сегодня!

Настороженное молчание сменил радостный рев. Геннадий поднял руку, и рев стих, как по волшебству. Теперь его любили намного больше, чем минуту назад.

– Только не думайте, что вы будете, как раньше, жрать, срать и совокупляться друг с другом! Ваш легат привел с собой достаточно настоящих кентурионов, чтобы вдолбить в ваши ослиные головы военную науку! И научить вас тому, о чем вы, похоже, даже и не слышали... Дисциплине! Мне нужно, чтоб когда придет враг, вы не удирали, как овцы, не драпали, потеряв не только оружие, но и то, что у вас под набедренными повязками! Я хочу, чтобы вы встретили врага... А он придет, не сомневайтесь, враг обязательно приходит!.. Чтобы вы встретили его сплоченным строем, чтобы вы вбили его в землю и взяли такую добычу, с которой не стыдно возвращаться домой! Так! А теперь все, кого это не устраивает, могут выйти из строя и убираться пасти коз! Клянусь богами Рима, я не стану их наказывать за дезертирство! Пусть убиваются! И тогда я сообщу тем, кто остался, последнюю новость! Очень хорошую! А теперь я жду! – проревел Черепанов и застыл бронзовой статуей.

Прошла минута, другая... Видимо, работа козопаса никому не показалась достаточно престижной, чтобы отказаться от тягот военной жизни. Хотя не исключено, что это бездельники рассчитывали, что воспитательный порыв начальства со временем угаснет, а деньги – останутся. Это потому что они совсем не знали Гонория Плавта Аптуса.

– Значит никто! – подвел итог Черепанов. – Вот это хорошая новость уже для меня! А теперь новость последняя. Замечательная! Для вас! Сегодня же вы получите премию в размере жалования за два месяца! Удвоенного жалования!

Ликование Первого Парфянского было столь выразительным, что даже боги на здешних небесах, небось, зажали уши. Когда солдатики оторали, Черепанов продолжал речь:

– Только учтите, горлопаны: это деньги не для того, чтобы вы жрали, пьянствовали и драли шлюх в лупанарии! На эти деньги каждый из вас купит то, что положено иметь легионеру! Если кто забыл, кентурионы ему напомнят! И ваш новый легат очень тщательно за этим проследит! Верно, Гонорий Плавт?

– Не сомневайся, домин! Тот, кто не купит необходимого в первую неделю, во вторую получит пятьдесят палок! В третью – сто! А кто не экипируется до мартовских Ид⁷ – пятьсот! От пятидесяти палок он скорее всего сдохнет, зато не станет отравлять праздник Марса своим мерзким дыханием Командиры кентурий! То есть бывшие командиры кентурий – ко мне! Остальные – свободны!

– Скажи мне, Генка, – поинтересовался Коршунов по-русски, – откуда ты возьмешь такие деньжищи, что пообещал голодранцам? Что-то я не заметил мешков с сестерциями среди нашей поклажи. И не похоже, что они имеются в казне легиона.

---

⁷ 15 марта.

– Их там и нет, – усмехнулся Черепанов. – Сначала я поинтересовался состоянием легионной казны – и не удивился, узнав, что она – пуста. Но потом я заглянул в личные сундуки кичливого галла и, представь, там оказалось столько всякого добра... И достаточно серебра, чтобы содержать легион в течение полного года. Думаю, Аптус сумеет правильно распорядиться этими нетрудовыми накоплениями. И напомни мне завтра, чтобы я организовал сюда обоз с продовольствием, оружием и амуницией. Конечно, это всего лишь ленивые сирийцы, но хорошее питание и хорошая палка еще могут сделать из них приличных солдат.

Глава вторая

Антиохия. Столица провинции Сирия.

Насыщенные будни крупных руководителей

Из Рима пришли новости. Правда, с большим опозданием, зато хорошие. Пришло «добро» на формирование нового легиона, запрос был послан еще Бальбину с Пупиеном, но одобрен новым императором только сейчас. Легион был наречен Первым Германским, поскольку ядром его должны были стать германцы-ауксиларии Коршунова. В память о «предшественнике» его эмблемой стал Бык⁸.

Сам Алексей был назначен легатом. Для человека, который лишь пару лет назад обзавелся золотым кольцом всадника⁹, то была головокружительная карьера.

Примипилом легиона Коршунов поставил Агилмунда. В качестве префекта лагеря выпросил у Черепанова Тевда Трогуса. Длинноносый римлянин был именно тот специалист, которому известно, что нужно легиону для нормального функционирования. Трибуном-латиклавием сделал Скулди. Это было не по римским правилам, но Коршунов не собирался загружать свой штаб каким-нибудь сенаторским сынком. Задача Скулди – подготовка «спецназа» и разведка. В первую очередь. И трибунов набрали по тому же принципу. За исключением двоих. Этих, молоденьких юристов из хороших семей, поставили по ходатайству Черепанова (а еще точнее – Корнелии), дабы благородные законники могли вписать в резюме службу в римской армии. Коршунов не особо отпирался. Хорошие юристы могли пригодиться, а местная «высшая юридическая школа» славилась на всю империю своими кадрами.

Назначив старших офицеров, Коршунов решил, что свои главные обязанности большого начальника уже выполнил. Оно, конечно, не совсем правильно, но руководить легионом Коршунов не собирался. Во всяком случае, в мирное время. Генерал римской армии – это хорошо, но свобода – дороже. Так что он справил себе новую форму: золоченый панцирь, шлем, плащ и все такое, но тяжелую повседневную работу перевесил на своих друзей-родственников. Да и прежде так было: рикс Аласея генерировал идеи, стратегически мыслил и приносил подчиненным удачу. А уж подчиненные, готы, герулы и прочие, должны были сами позаботиться, чтобы донести эту удачу до ртов, не расплескав по дороге. Ну и славно! Агилмунд в роли заместителя командира бригады (а легион и по численности и по структуре был ближе всего к этому подразделению) просто идеален. Прирожденный полковник.

Трибун-латиклавий в римском легионе считался чем-то вроде начальника штаба, но обычно эту должность занимал какой-нибудь сенаторский недоросль, годный только на перевод пищи в удобрение. Но Коршунов поставил Скулди другую задачу. И не ошибся. Этот герул, прирожденный лидер разведки-контрразведки, получив в свое распоряжение людей и средства, прям-таки расцвел и заколосился агентурными сетями.

А тут еще Коршунов подкинул им с Агилмундом идею спецподразделений, и увлекшийся Скулди вообще из обыденной жизни выпал. Просто горел на работе. И всё вокруг тоже горело и плавилось... В правильные формы.

Сам Коршунов на такие трудовые подвиги был не способен. Слишком мягкий и жизнерадостный. Если бы он по складу характера был способен, как Черепанов, сокрушать преграды

---

⁸ Чтобы не вводить читателя в заблуждение: такого легиона в Древнем Риме не было. Предшественник, Первый Германский, сформированный Цезарем, да, существовал. Но в 70 году после Р. Х. легион был расформирован императором Веспасианом. Предположительно, в связи с моральным разложением и потерей боеспособности.

⁹ Всадники – привилегированное римское сословие. Одежда – тога с узкой пурпурной полосой (у сенаторов – широкая) и золотое кольцо. Из них формировался высший менеджмент (в т. ч. и военный) империи. В описываемое время дослужившийся до звания кентуриона автоматически становился всадником.

и таранить препятствия – он бы еще в прошлой жизни горы свернул. Великим ученым стал бы или еще кем-нибудь... великим. Впрочем, жаловаться не на что. Когда надо, драться он умел. А везло Алексею... практически всегда. И голова работала как следует. В данном случае, голова сказала хозяину: дай людям возможность делать то, что они умеют, особенно если это им нравится. И не мешай.

Алексей так и сделал. С удовольствием. Потому что ему самому нравилось жить. Вообще. И конкретно здесь, в Антиохии. Тут было весело. И красиво. Везде колонны, портики, фонтаны, ярко раскрашенные статуи богов, величественные храмы. Вечно какие-то праздники, шумные шествия, когда золотые одеяния жрецов сверкают на солнце, а от пестроты толпы просто рябит в глазах. Антиохия – это сумасшедший замес из сирийцев, греков, иудеев, финикийцев, арабов. Всё это болтало, пело, галдело на множестве языков, источало сотни запахов, далеко не всегда приятных, но Коршунов уже давно привык. Да и нет более отвратительного запаха, чем запах войны. Вдохнешь раз – и даже вонь несвежей рыбы покажется благоуханием. Хотя кому вонь, а кому – пикантный аромат. Вот взять хотя бы любимый римский соус гарум, в базовой основе которого – «выдержанные» рыбные потроха...

Ну да и свежей рыбки в Антиохии вдоволь: сказывалась близость моря, и в самом Оронте кое-что водилось. Рыбка, всякие ракообразные, кальмарчики с моллюсками... А те, кто не любит сифуд, могут смело идти на запах колбас, жареной свининки с горячими лепешками, запеченной целиком птицы... Кухня здесь здорово отличалась от канонической римской, но Алексея это не смущало, поскольку в столичных изысках он не разбирался. Не успел поднатреть. Да и по жизни Алексей любил жареное мяско с хрустящей корочкой, а римляне традиционно предпочитали вареное. Так что первым делом Коршунов научил своего повара готовить правильный шашлык – из отменно маринованного мяса. Вот только помидорчиков¹⁰ здесь почему-то не было. Зато великолепный выбор специй. И отличное вино, хоть с медом, хоть – с розовыми лепестками или иными природными ароматизаторами.

Настоящих италиков в Антиохии было не так уж много. Большинство обитавших здесь римских граждан – потомки получивших здесь землю ветеранов. Держались эти полноценные квириды¹¹ с важностью сверхчеловеков, особенно те, что был облечен хоть какой-нибудь властью. Коршунов же важности не любил и потому шеголял не в регалиях римского легата, а одевался попростому – в шелковую тунику. Зимой, конечно, потеплее, а вот в остальные времена года шелк здесь – самое то. И никаких шлемов-панцирей. Только спата на поясе и правильный нож в чехле. Но меч это так, для уважения, а не для самообороны. Для обороны он обычно брал с собой парочку германцев-телохранителей. Не то, чтобы Алексей кого-то боялся... Просто не хотел скандала с Генкой.

Черепанов искренне полагал, что все вокруг спят и видят, как бы их прикончить. Типичное имперское мышление в завоеванной колонии. Как говорится, с кем поведешься... Генка «повелся» с благородной патрицианкой из древнего рода, а он, Алексей, – с простой антиохийской гетерой. И бывшей имперской шпионкой. Вернее, разведчицей. Анастасия была из хорошего (по здешним, антиохским меркам, само собой) рода, но профессия несколько понизила ее статус. Гетера, конечно, не проститутка. Что-то вроде квалифицированного секретаря-референта. Что же до секса, то в Римской империи к этому делу относились легко и позитивно. Например, считалось, что фреска эротического содержания – надежный оберег от сглаза. Брелок для ключей в виде мужской пиписки встречался не реже, чем денарий, а уж украсить фонтан слившимися в экстазе мраморными любовниками считалось не просто хорошим тоном, а образцом отменного художественного вкуса. Ну, запреты, конечно, имелись, но сама мораль была исключительно кастовой. То есть ежели ты – римский гражданин и «старший по званию»,

¹⁰ Оно и понятно – помидоры из Америки завезли.

¹¹ Граждане.

то непременно должен быть наверху и в активном варианте. В Риме с этим было строго. Но здесь, на юге, нравы были еще более отвязными. Впрочем и в Риме поиметь подавальщицу в трактире было дешевле, чем в общественную баньку сходить. А уж в Антиохии... В Дафнийской роще, к примеру, (это совсем рядом с городом) вообще был настоящий сексуальный рай. Там каждый храм – самый настоящий бордель в форме культового учреждения. Доступные девки-рабыни со всех концов айкумены – к услугам любого желающего. Цены – более, чем доступные. Сколько пожертвуешь от щедрот...

Словом, все радости плоти. И – бесконечные праздники. И повсеместные веселые пирушки с танцами и играми. И замечательные гимнасии при банях. И состязания борцов – там же. А кому хочется ум потренировать – пожалуйста на философский диспут. Который, впрочем, вполне может закончиться потасовкой.

Коршуновская Настя чувствовала себя в столице Сирии, как кошка на дворе дачи. Знала всё и вся. Знала, куда соваться не следует, а где тебе будут искренне рады.

Впрочем, обидеть Анастасию Фоку, жену римского легата, было не только трудно, но и опасно. Особенно, если она гуляла с мужем, а муж – с парой-тройкой германцев. Хотя надо отметить, что для отпугивания местного преступного элемента было достаточно одного Красного. Огромный грозный гепид, вдобавок прославленный гладиатор! Красный пару раз, для собственного развлечения выступил на здешних гладиаторских играх – всех побил. Не такая уж трудная задача. С его-то опытом бойца с римского Колизея, или по-здешнему амфитеатра Флавиев.

Правда, Красный не знал, что Анастасия загодя побеседовала с ланистой, и тот придержал самых опасных бойцов. Скорее всего, Красный справился бы и с ними, но Алексей решил подстраховаться. Многие брали гладиаторов в охранники, но таких, как огромный гепид, не было ни у кого. В иных местах сначала узнавали Красного, а уж потом – Алексея. Не удивительно: рожа у гепида была запоминающаяся. И масть тоже. Да и фигура примечательная: можно Геркулеса лепить.

С Красным Коршунов чувствовал себя в Антиохии так же уверенно, как богатый русский турист – на Елисейских полях. Пусть вокруг мельтешат сомнительные личности, но его это не касается. Его касаются только местные удовольствия и достопримечательности. Алексей искренне сочувствовал Генке, который как зарылся месяца три назад в документы, так из них и не вылезал. Сочувствовал, но помощь не предлагал.

В местной юриспруденции и делопроизводстве он не разбирался и разбираться не хотел. Мотаться по провинции с проверками? Ну, съездил он пару раз, с Генкой за компанию.

Но Черепанов ездил по делу: судил, наказывал, снимал нерадивых чиновников и ставил других, может и не более «радивых», но зато своих. Деньги распределял... Словом, работал.

А Коршунов шлялся по пирушкам, тусил на религиозных праздниках и предавался всяким излишествах. Впрочем, понимая, что от подобной жизни можно и брюшком обзавестись, взял за правило часа три в день тренироваться: борьба, фехтование и верховая езда. А день почти всегда начинал с водных процедур: если рядом море, то в море, если река – то в реке. По местным меркам вода зимой была прохладная, градусов шестнадцать, но Коршунова это не смущало. Его германцев – тоже. Их больше беспокоило, не обидятся ли местные водные божества. Однако Алексей убедил варваров, что со всеми договорился, и теперь плавал в компании. А Настя приходила на берег, смотрела на них и зябко куталась в шерстяную паллу¹².

Так, в трудах и развлечениях, прошла зима. Наступил день мартовских календ – местный новый год. Опять праздник, шествия, танцы...

Правда, Черепанов из общего столпотворения Алексея изъясил. Привел в храм Митры и провел через обряд посвящения в воинское братство. Храм был – так себе. На Коршунова впе-

¹² Длинный большой шарф. Скорее даже платок.

чатления не произвел. Так, здоровенная дыра в скале. Единственное украшение на входе – сам Митра, убивающий быка. Обставлено, впрочем, всё было весьма театрально. Таинственно. Все – в накидках с капюшонами, в масках. Только неофиты (и Коршунов – среди них), с открытыми лицами.

Наместник провинции тут был не на первом месте. Главенствовал Маний Митрил Скорпион, которого Черепанов назначил префектом своего Девятого Клавдиева. Скорпион лично зарезал бычка. Ловко, надо отдать ему должное. Бычок и не мукнул.

Коршунова посвящали первым. Затем еще четверых – матерых кентурионов.

В общем, всё прошло без помпы и торжественно. Позже Черепанов изложил другу правила и обучил тайным знакам. Правила были нехитрые. Знаки – тоже.

– Слушай, а зачем это всё? – спросил Коршунов.

– Пригодится, – уклончиво ответил Геннадий.

В качестве внешнего покровителя (о Митре болтать не полагалось), Коршунов выбрал, было, Меркурия, но Черепанов отговорил. Остановились на Минерве. А что, она же по совместительству еще и покровительница наук, а Коршунов, как-никак, ученый. В прошлом.

После нового года в голову Коршунова пришла новая идея. Да такая замечательная, что Алексей, не мешкая, сразу после завтрака, распугав посетителей, ввалился в кабинет (по здешнему – таблиний) наместника, дабы претворить ее в жизнь.

Кабинет Генка обставил не по римскому обычаю, а по собственному разумению. Заказал могучий прямоугольный стол, вместе здешних – хлипких, круглых, трехногих. Велел покрыть столешницу кожей, сделать выдвижные ящики, снабженные замками. Шкаф заказал. Тоже добротный, с дубовыми дверцами, отличавшийся от римских, в которых обычно хранили дорогую посуду и безделушки, как парадная колесница отличается от готского фургона. Еще в кабинете имелся ларарий, то бишь место, где стояли фигурки римских домашних богов-ларов. Им полагалось приносить жертвы и всячески ублажать, тогда они, в свою очередь, заботились о сохранности дома и его обитателей.

Ларов ежеутренне «подкармливала» Корнелия. Она не знала, что ларарий – сдвижной. Ширма, за которой прятался главный сейф наместника. Сейфов во дворце было штук шесть – и все, кроме этого – на виду. Но в открытых хранилась так, мелочь. О тайном знали только Черепанов и Коршунов. И только они двое знали, как он открывается.

– Генка, дружище! – проникновенно сказал Алексей. – Скажи честно – я тебе здесь нужен? В смысле – в Антиохии?

– А на кой ты мне сдался? – проворчал Черепанов, изучая восковую табличку с очередным доносом.

– Ну так ты не против, если я отбуду в небольшой морской круиз?

Черепанов отложил табличку, поднял голову, посмотрел внимательно:

– И куда это ты намылился? – спросил он с подозрением.

– В Иерусалим! – гордо сообщил Алексей. – В той жизни, понимаешь, не успел, так хоть в этой сподоблюсь.

– А ты в курсе, друг мой, что Иерусалима больше нет? – поинтересовался Черепанов.

– Быть того не может! – воскликнул Алексей. – Как это так: в двадцатом веке Иерусалим был, а в третьем – нету! Исключено. Включи логику, командир!

– Не знаю, как насчет логики, – усмехнулся Черепанов, – но судя по документам император Адриан разрушил его примерно сто лет назад. Вернее, доручил, потому что разрушили его еще раньше. Допускаю, что там имеется некоторое количество развалин. И римский поселок, в котором обитает Десятый легион и обслуживающая его инфраструктура. Нет больше ни Иерусалима, ни Израильского царства. Есть римская провинция Палестина со столицей в Кесарии. Еще вопросы есть?

– Значит ты не против, чтобы я немного прогулялся? – поинтересовался Алексей.

– Черт с тобой, езжай! – разрешил Геннадий. – Толку здесь от тебя... Только по дешевым кабакам пьянствуешь и имидж грозного римского легата роняешь! Однако будет у тебя и конкретное задание, турист!

– Излагай! – насторожился Коршунов.

– А задача у тебя такая: оценить настроение и готовность дислоцированных в Сирии и Кесарии легионов. Чует мое сердце: война с персами на носу. А помощи из Рима ждать – пустые надежды. Так что должен ты, Леха, в промежутках между пьянками выяснить, на какие еще легионы, кроме моего, твоего и Аптусова, я могу рассчитывать. Особо же меня интересует Шестой Железный. Его Принцепс Север напоследок в Кесарию перевел, но это мой легион, сирийский. С бесценным опытом Парфянских войн. Очень бы хотелось его вернуть к началу большой драки!

– Выясню, не сомневайся! – пообещал Коршунов. – Ты не переживай, я недолго. Месяца за два обернусь. К Флоралиям. Люблю я этот праздник! – Алексей мечтательно улыбнулся.

Черепанов фыркнул. Именно во время праздника Флоралий его лучший друг Алексей Коршунов с огромной ватагой диких варваров вторгся в Мезию.

– Это не всё, – сказал Черепанов. – Мне надо, чтобы ты аккуратно прозондировал: как администрация на местах относится лично ко мне. Особенно обрати внимание на Тир. Пообщайся с командующим флотом, если получится. Тир – это важно. Примерно половина кораблей идет из Тира напрямик через Кипр, минуя Антиохию. Если получится, прикинь, есть ли возможность перекрыть этот поток. При необходимости, – Геннадий выпрямился, глянул сурово: – Ты всё понял, легат?

– Так точно, господин наместник! – бодро рявкнул Коршунов. – Проверить настроение военнослужащих и их командования, проинспектировать местную администрацию на предмет лояльности, прощупать «адмирала» местного флота и возможности пресечения транспортной линии через Кипр! Это все?

– Почти, – проворчал Черепанов. – Всё это надо сделать аккуратно и вернуться назад в целости и сохранности. Будет чертовски неприятно, если тебя убьют.

– А уж как мне будет неприятно! – ухмыльнулся Алексей. – Не бойсь, Генка! Я ж не один поеду, ребят с собой прихвачу! Нет таких разбойников, что переразбоили бы моих германцев!

– Да я не про разбойников, – нахмурился Черепанов. – Немного яда в бокал с вином. Или дротик в спину из переулка...

– Глупости говоришь! – отмахнулся Коршунов. – Это тебе надо беречься, а я, как ты образно выразился – просто турист. Вернее, не просто, потому что за мной стоишь ты. Если меня убьют, ты ведь этого так не оставишь? Ладно, ладо, шучу! Не бери в голову! Буду пить вино только из общего кувшина, а за спиной у меня всегда будет Красный стоять. За таким телохранителем моя спина – как за осадным щитом. Разве не так?

– Так, – согласился Черепанов. – Гепид хорош. Но у него есть большой недостаток.

– Ну-ка?

– Он большой. И потому – немного тормозной. Свяжут его боем – и ты останешься один. Я бы предпочел кого-нибудь поподвижней. Это в нашем времени задача телохранителя – принять предназначенную хозяину пулю. Здесь он должен срабатывать на опережение. Убивать быстрее, чем убийцы.

– Истинно говоришь, брат мой Геннадий! – с важностью произнес Коршунов. – Я даже знаю, кого предпочел бы в телохранители. Гонорий Плавт Аптус, вот кто мне нужен! Как думаешь, согласится?

Черепанов расхохотался. Хлопнул друга по плечу:

– Ладно, Лёха! Конец поучениям! Пошли вино пить!

Глава третья

Девятьсот девяносто второй год от Основания Рима. Весна. Провинция Сирия. Приморский «курорт» Лаодикия

Путешествовать в Иерусалим Коршунов решил, как сказано выше, морем. Алексей полагал, что попивать вино на палубе намного приятнее, чем задницу о седло оттаптывать. Выбрал он и кораблик: большой купеческий парусник с громким названием «Любимчик Посейдона». По местным меркам, весьма комфортабельное судно. С домиком на палубе и вместительными трюмами. Правда, не слишком быстрое и зависимое от ветров, поскольку гребцов на нем не предусматривалось. Но куда спешить? Это же не регата.

Путешествовать Алексей любил еще в *той* жизни. Вот только тогда он не мог позволить себе морских круизов, а сейчас – смог.

Плыть Алексей планировал вдоль берега, с заходом в прибрежные города: насладиться достопримечательностями, а заодно пополнить запасы воды и пищи. Воды и пищи требовалось немало, потому что с собой Коршунов взял аж две кентурии из когорты Ахвизы. С самим Ахвизрой во главе. Первый кентурион-пил второй когорты был только рад на время уйти от размеренной жизни легиона.

Воинов Коршунов взял для солидности, а заодно на случай пиратов. Промышляли они в здешних водах довольно активно и сравнительно небольшой военный флот провинции справиться с ними не мог. Черепанов предлагал взять в качестве охраны боевой кораблик-либурну (беспокоился друг), но Алексей отказался. Смысл? Когда с тобой на судне двести варваров... Добро пожаловать на борт, господа пираты!

Вот только маловероятно, что грабители морей станут брать на abordаж его круизный лайнер. Алексей не сомневался, что местные флибустьеры работают в связке с наземными информаторами и вряд ли польстятся на судно, на котором самый ценный груз – остро отточенные спаты.

* * *

В путь они отправились за восемь дней до апрельских календ. По нашему – в конце марта¹³. Хорошее время. Вокруг всё цвело и пахло. И день был веселый. В этот день настоящие римляне, согласно расписанию, пируют и веселятся. Генка тоже закатывал пир для высшего общества. Наместник. Ему положено. Коршунов официальные мероприятия не любил. Соберется местный бомонд. Будут тосты льстивые говорить... Тьфу! Отчасти поэтому день отправления и выбрал. Генка не обидится, а на остальных...

Вчера, кстати, тоже был праздник. Богини Кибелы. Местные ее особо почитали. Храм имелся, естественно. Внутри – роскошная позолоченная колесница, запряженная львами, а в колеснице – сама богиня. Великие все-таки скульпторы в Римской империи. Не какие-то там церетели. В здоровенной короне-башне, грозная до невозможности Кибела впечатляла. Воплощение безумной мощи. Или точнее – мощного безумия. А служили Кибеле просто сумасшедшие. До того башню сносило, что сами яйца себе отрезали. На празднике, правда, до этого не дошло. Ограничилось шествием голых теток и дядек, которые вопили и нахлестывали себя бичами. Орали так, словно им кишки выпускают, все в кровище.

Очень неэстетичное зрелище.

Но коршуновским парням понравилось. Волки, они волки и есть. Нравится им кровь.

---

¹³ Если быть точным – 25 марта.

Кораблик ожидания не обманул. Места в нем было довольно, в просторные трюмы загрузили пищу, которая – долгого хранения. В жизни всякое бывает. Опять же винище и вода... Словом, цепочка рабов таскала это всё часа полтора.

Наконец отчалили. Спустились по Оронту в Селевкию (часа три), а там вышли в открытое Средиземное море. То есть не совсем открытое, потому что плаванию их предстояло быть сугубо каботажным. Вдоль берегов то есть.

Алексей с Настей расположились на корме, под навесом. Не потому, что было особенно жарко – для приличия. Синие стеклянные бокалы с фалерном, фрукты и фаршированные финики – на закуску. Но занимались делом. Настя старательно учила Коршунова арамейскому и сирийскому – она свободно говорила на обоих диалектах. Алексей не менее старательно учился. У него открылись недюжинные способности к языкам. По-латыни шпарил весьма бойко, с акцентом, правда, но большего от варварского рикса и не требовалось. Греческий освоил месяца за три. Легко, ибо нет лучшего учителя, чем любимая женщина.

Всё-таки какая красавица его Настя! Не зря лучший антиохийский скульптор-грек захотел ваять с нее Диану-Артемиду. Лицо безупречно, глаза сияют, волосы – черной волной. Алексей очень просил ее не строить изысканную прическу, подобающую знатым римлянкам. Настя согласилась и соорудила на своей головке причудливую башню только для официальных мероприятий. Дабы престиж мужа не ронять. А как она двигалась! Музыка, а не движение. Коршунов кое-что понимал в пластике. Для того, чтобы двигаться *так*, мало многолетнего обучения танцам. Требуется природный талант. Насте достаточно было шевельнуться, повернуть голову... И все окружающие мужчины тут же начинали на нее глазеть. Тончайший эротизм. Во всем. В ножке, едва касающейся палубы носком сандалии, в изгибе бедра, которое складки туники не прячут, а делают еще более притягательным, таким, что хочется сорвать эту чертову ткань, ведь там, под ней, будет настоящее чудо. Легкая античная одежда шла ей невероятно. Она была красавицей даже в грубоватом готском прикиде, но в изысканном наряде эллинов становилась действительно прекрасной. Ах это смуглое (в отличие от благородных римлянок Настя не пряталась от солнца) плечо, с тонкой, гладкой, матово блестящей кожей, с виду такое хрупкое...

Чтобы немедленно не потащить любимую вниз, в каюту, Коршунов перевел взгляд на носовую палубу.

А там его воины занимались не менее интересным делом: втроем пытались завалить Красного. Парни были обученные: Алексей лично готовил инструкторов, которым, по его просьбе, преподавал десяток уроков сам наместник Сирии. Генке это было – в удовольствие. Хоть на часок улизнуть от административных обязанностей, которые кушали наместника поедом.

Словом, мальчики были отнюдь не из песочницы. Однако и Красный прошел серьезнейшую подготовку, а силенок у него было – на четверых. Так что молодые готы то и дело полировали спинами палубу. Один, от обиды, даже крикнул насчет тупоголовых гепидов, но наблюдавший за игрой Ахвизра ловко метнул в него только что извлеченным из раковины моллюском. Хорошо попал, прямо в глаз. Зрители, тоже готы, естественно, заржали – и Красный не успел обидеться. Он был единственным гепидом в команде – и при этом личным телохранителем рикса готов Аласеи, так что – никакой межплеменной розни.

По прикидкам Коршунова, им предстояло проплыть миль сто¹⁴. Когда Алексей сопровождал Черепанова в инспекторской поездке по провинции, до Лаодикии они добирались три дня. Без спешки. На корабле Алексей планировал достичь первой точки дня за четыре. Если продержится попутный ветерок. Можно бы и быстрее, но капитан, типичный местный грек,

¹⁴ Римская миля – тысяча двойных шагов. Примерно полтора километра.

хитроватый, богобоязненный и, как ни странно, большой знаток Платона, наотрез отказался плыть ночью. Что ж, жираф большой, ему видней.

Корушунов не ошибся. В полдень третьего дня они увидели портовые молы приморского города Лаодикии.

* * *

Приняли их с почетом.

Как только выяснилось, что в город пожаловал сам легат Алексей Виктор, личный друг наместника, приветствовать его сбежалось всё местное начальство: оба квинквинала¹⁵, три эдила, префект местного гарнизона и еще целая прорва чиновников. Ну и несколько сотен зевак, конечно. Зеваки с восторгом пялились на высоченных варваров в традиционном легионерском прикиде, правда, со спатами вместо гладиев. Но этой детали никто не замечал. Здесь Сирия. В иных легионах половина народа вообще без доспехов щеголяет.

Один из квинквиналов предоставил гостю собственный дом (позже выяснилось, что мэры бросали жребий, и этот выиграл), парней Ахвизры поселили в лучших казармах рядом с городскими банями и гимнасием. Вечером был пир. Официальный, с речами, мимами и танцовщицами. Местные лебезили и прогибались. Коршунову было скучно. Сначала его немного развлекла беседа с местным префектом (как-никак коллега-военный), но когда тот начал жаловаться на отсутствие финансов, Алексей опять заскучал. Чуть оживился, когда, к десерту, появились борцы-панкратиаторы. Здоровенные бугаи с кулачищами, обмотанными ремнями¹⁶. Ремни служили отнюдь не для смягчения ударов (как в боксе), а для конкретного нанесения увечий, потому что украшены железными шипами. Рубились мощно, кровь так и брызгала. Гости были в экстазе, а почтенные дамы аж похрюкивали от вождения...

Но Алексей заметил, что бойцы друг друга щадят: бьют аккуратно, не увеча, а лишь разрывая кожу. Тем не менее через пару минут лица обоих превратились в кровавые маски, а мощные торсы лоснились алым. Наконец один из них победил. Двинул противника кулаком в живот, тот скрючился и упал. Притворился, хитрюга. Однако никто из пирующих, кроме Коршунова, ничего не заподозрил. Наклюкались все изрядно.

Тут и Коршунов решил поразвлечься. И еще покрасоваться перед Настей. Встал и заявил, что желает сразиться с победителем. Городское начальство всполошилось. Вдруг наместник обидится, если местный «боксер» покалечит гостя? Один из «мэров» тут же кинулся к панкратиатору и зашептал ему на ухо. Наверняка грозил страшными карами, если тот посмеет...

– Пусть он умоется и снимет ремни, – потребовал Коршунов. Шрамы, конечно, украшают мужчину, но не везде.

Панкратиатор вернулся через пару минут. Ремни он снял и смыл большую часть крови. Как и предполагал Коршунов, повреждения оказались пустяковыми. И крови вытекло максимум полстаканчика. То есть противник – в форме. И хрен знает, на что способен, потому что псевдо-поединок, который был продемонстрирован только что, это одно, а настоящий бой – это другое.

– Подойди ко мне, – велел Алексей. – Ты раб?

Боец обиженно мотнул головой.

– Значит, бьешься за деньги?

– Угу.

---

¹⁵ Квинквинал – один из дуумвиров, кои являются первыми лицами, мэрами, так сказать, римского города. В сравнительно небольших городах (а Лаодикия относится именно к таким) они совмещают и обязанности квесторов – городских казначеев.

¹⁶ Герой спутал. В панкратионе рук ничем не обматывают. Это специфика эллинского бокса. Однако римляне часто делали замесы из разных видов состязаний – чтобы поединки были зрелищнее.

– Сколько вам заплатили за представление?

– По три денария.

– Отлично! – заявил Коршунов. – Если побьешь меня, получишь десять. Никого не бойся, тебя не накажут, потому что тогда я заберу тебя с собой. Понял меня?

Боец кивнул.

– А десять денариев сразу? – поинтересовался он.

– Немедленно.

– Тогда я тебя точно побью! – Панкратиатор заметно повеселел. Он бы килограммов на десять тяжелее Коршунова, и руки у него были заметно длиннее. Кроме того, боец видел, что перед ним – воин, а воины обычно на кулачках дерутся не очень. У них для решения вопросов оружие имеется.

Разошлись. Алексей еще раз оглядел противника и на секунду усомнился, хорошая ли это была идея? Такой бычара... Но вспомнил, как он побеждал не менее крупных варваров и решил – справится. Бросил взгляд на Настю: та глядела с восхищением. Она-то в его победе не сомневалась. Значит и ему...

В этот момент противник бросился в атаку. Видно, очень ему хотелось заполучить десять денариев. Вот только он не знал, что боковое зрение у Коршунова работает на отлично. Если бы на его месте был Генка, боец эффектно полетел бы птичкой с помоста на пиршественный стол. Коршунов так не умел, да и поздоровше был его друг разика в полтора. Так что он просто нырнул под бьющую руку, уходя с линии, с одновременным прямым в печень. Не пробил – пресс у бойца был железобетонный. Зато удар стопой в сгиб колена получился. Панкратиатора шатнуло, он попытался вывернуться и перехватить Алексея левой рукой, получил мощнейший цки в основание черепа и грохнулся на подиум.

К некоторому удивлению Коршунова, мужик вырубился лишь на несколько секунд. Потом собрался и кое-как воздвигся на опорные конечности. Крепок, однако. Глаза, правда, в кучку, и из носа – кровь, но воинственности хоть отбавляй. Фыркнул пару раз и ринулся в атаку. Мощнейшие удары так и полетели в Алексея. Целил панкратиатор в основном в голову, так что уходить, нырками, уклонами, было не очень трудно. Отвечал Алексей редко, на уходах. Главным образом – в корпус. В солнышко. Но пресс у противника был такой, что пробить не удавалось. Да и хороший акцентированный удар не получался.

Не сказать, что атаковал боец тупо: менял углы атаки, раза три попытался провести подсечку. Разогревался понемногу, в глазах у него прояснилось...

Неискушенным наблюдателям показалось, что он реально забивает Коршунова. Обеспокоенный хозяин даже заорал в адрес панкратиатора что-то угрожающее. Тот проигнорировал, скорее всего – не услышал. Увлёкся мужик. И – даже намек на усталость. Очень хотелось достать Коршунова. Десять денариев – серьезные деньги!

Это надо было прекращать. Коршунов уже получил вскользь по голове, и скулу ему ободрало. Хорошо, что шипастые украшения остались в раздевалке. Иначе шишкой и ссадиной не обошлось бы.

Что ж, был у Алексея сюрприз. И он его преподнес. «Хвост дракона». Эффективнейшее средство против боксеров. Хоп – и твой противник внезапно исчезает с поля зрения, а ты внезапно обнаруживаешь, что лежишь на пол.

Штука непростая, но если умеешь... Коршунов умел. Резкий уход вниз, с разворотом и выбросом ноги, которая с пушечной силой подсекает сразу обе ноги противника.

Конечно, существовал риск, что противник уловит такое сложное движение... Не уловил. Грохнулся на подиум, аж гул пошел. И на этот раз Коршунов жалеть его не стал, толкнулся, выпрыгнул и упал на скорее удивленного, чем ошеломленного противника. Пяткой прямо в солнечное сплетение.

Более слабого такой удар убил бы на фиг. Но у панкратиатора вместо брюшного пресса была толстая деревянная доска. Однако и толстые доски можно ломать. Бойца свернуло крючком... Нет, не помрет, но пару неприятных минут обеспечено.

Коршунов торжественно спустился с подиума – к сияющим глазам Насти и бурным поздравлениям почтенной публики.

– И кто же научил благородного легата так искусно биться? – льстиво осведомился один из эдилов.

Коршунов ответил не сразу. Ответ еще надо было придумать. Так что Алексей выпил вина, закусил персиком и только тогда ответил:

– Я – Мильв, – сообщил он. – То есть – Коршун. Но это не прозвище. Это потому, что я – из рода Коршунов. Это древнее искусство моего рода (и врать, так уж врать!), мои предки передавали его от отца к сыну вот уже восемь столетий.

– О-о-о! – только и смог выдавить эдил.

Боец на подиуме между тем продышался и начал блевать.

«Надо бы дать ему пару денариев, – подумал Коршунов. – Мужик все-таки старался...»

Глава четвертая

Лаодикия. История о том, как Алексей Коршунов едва не пострадал за веру

Ночь пошла замечательно. Они с Настей любили друг друга под мягкий шелест средиземного моря вдалеке и негромкую музыку оркестра за стеной. Потом Коршунов дернул за шнурок, и оркестр умолк. Они остались вдвоем и уснули в обнимку. Наверное из сны перемешались, потому что Коршунову неожиданно приснилась христианская литургия на скалистом берегу. Белые одежды, просветленные лица... И он сам тоже пел и было так необычайно легко, что он воспарил над миром и уплывал, уплывал ввысь, поднимаемый, уносимый потоком ясных, чистых голосов...

Первое, о чем он спросил Настю, проснувшись:

– Есть у тебя еще один крестик?

Не задавая вопросов, его любимая соскользнула с ложа, наклонилась (восхитительное зрелище) и отыскала в шкатулке с драгоценностями маленький желтый крестик на тонкой цепочке. Сама надела его Коршунову на шею и улыбнулась восхищенно:

– Какой ты красивый!

– Это ты красивая, – улыбнулся Алексей. – А я так, простой варварский рикс. – И сгреб Анастасию в охапку, потому что просто смотреть на нее было абсолютно невозможно...

– Здесь христианский храм есть, – сказала спустя полчаса Анастасия. – Настоящий. Не хочешь сходить?

– Пожалуй, нет, – отказался Алексей. – Я – в термы. Там наверняка парни мои расслабляются. Узнаю, все ли у них в порядке.

С собой Алексей прихватил только раба – одежду сторожить, чтоб не стырили.

До бань рукой подать, а в банях наверняка уже тусит вся его охрана. После вчерашней попойки (совет Лаодикии «накрыл поляну» не только легату, но и его свите), лучше нет варианта, чем на солнышке посидеть и в воде поплескаться. Неприхотливые варвары давно заценили прелести теплой водички и умелых банщиков. Более того, многие начали отдавать предпочтение вину вместо любимого пива. Тем более что пиво здесь раздобыть было значительно труднее.

Коршунов Насте немного приврал. В том, что у его бойцов всё в порядке, он не сомневался. Если какие-то проблемы и могли возникнуть, то не с ними, а из-за них. Просто захотелось отдохнуть в простой мужской компании.

Коршунов прошел в раздевалку-апподитерий. Там не было никого, кроме волосатого амбалистого мужика, копавшегося в вещах. Надо полагать – его собственных. Коршунов не спеша разделся, потянулся с удовольствием, похрустел суставами... Амбалистый зыркнул на Алексея, (как-то недобро), быстро запихнул барахло в нишу и свалил. Ну да и бес с ним. Коршунов еще пару раз махнул руками-ногами, велел рабу бдить (Ходят тут... всякие. Зазевается – стырят тунику шелковую или еще чего), и неторопливой поступью отдыхающего вельможи двинулся во фригидарий, где в окружении зеленых лужаек располагался большой бассейн под открытым небо. Было холодновато (по сирийским меркам) – градусов восемнадцать по Цельсию, но солнышко уже вышло, так что с точки зрения Алексея погода была идеальная. Неспешной походкой, любуюсь гибкими девами на мозаиках, Коршунов направился к колоннам, отделявшим крытую галерею от фригидария...

И вдруг наткнулся на преграду. В качестве преграды выступал уже знакомый смуглый бородатый амбал с тяжелыми золотыми сережками в мясистых ушах и вытатуированным на груди трезубцем. С виду – чистый ваххабит. Только «арафатки» не хватает.

– Пшел вон, христианин! – рявкнул амбал по-гречески. – Нечестивец, грязная собака! Беги, пока я не отрезал тебе уши!

В доказательство серьезности намерений амбал предъявил кривой ножик размером с наконечник пилума¹⁷.

Коршунов удивился. Очень. Во-первых, на него уже давно никто не наезжал. Да еще так нагло. Да практически без повода... Нет, повод был. Алексей вспомнил о крестике, надетом утром.

Драться не хотелось. Такое, однако, хорошее настроение... Тем более за амбалом маячили еще трое таких же чернобородых качков-«ваххабитов».

Коршунов растерялся. Вариант с уходом отпадал: это значило «потерять лицо». Драка сразу с четырьмя «ваххабитами»... Не факт, что он справится. Мраморный пол – скользкий, а он всё же не Черепанов. Вернуться в раздевалку и взять спату? Блин! Надо же! Вот дурацкая история!

– Ты глухой, христианин? – рявкнул амбал. – Или обосрался от страха?

Тут у Коршунова кончилось терпение.

– Рот закрой! – рявкнул он еще громче, чем ваххабит. – И марш отсюда, чтоб я тебя больше не видел! Увижу – умрешь!

От командирского рыка Коршунова амбал слегка смутился. Даже чуть подался назад. Будь он один, наверняка бы сдригнул. По роже видно. Но за спиной – дружбаны. Задражают.

Колебался он недолго. Секунд тридцать. Но этого хватило, чтобы кое-что произошло. Кое-что, не замеченное «ваххабитами». На лужке по ту сторону коллонады появился один из готов. Глянул – и пропал. Но Коршунов немедленно воспрял духом. Если в бассейне плещется пара-тройка его людей – крездец «ваххабитам».

Амбал тем временем решил.

– Всё, христианин! Прощайся с ушами! – и обрушился на Алексея.

Коршунов отшагнул в сторону, «ваххабит» пролетел мимо, поскользнулся на мраморе и шмякнулся на задницу. Но тут же воспрял, сделал страшную рожу... Но в следующую секунду зверскую маску сменила гримаса глубокого изумления...

Коршунов демонстративно скрестил руки на груди. Его участия в драке больше не требовалось. Собственно и драки никакой не было.

Пять секунд – и его «спецназовцы» (их оказалось не двое-трое, а целых два контуберния) скрутили, разоружили и уложили троих «ваххабитов» мордой в пол. Амбал (здоровая реакция) попытался смяться, но кто-то ловко метнул чашу, угодив точно в кучерявый затылок.

В яблочко!

– Хорошая работа, – похвалил Алексей, когда всех четверых, на коленях, построили перед ним.

Варвары-легионеры довольно заухмылялись.

– Значит так, – Алексей задумался, какую бы кару назначить негодяям... Может, просто отдать их под суд? Нападение на имперского легата каралось жестко. Правда, Коршунов был без регалий, так что хороший адвокат может и отмазать... И в конце концов, он же не просто легат, а рикс варваров! Надо поддерживать реноме.

– Всех четверых – поучить как следует! – сказал он строго. – Но не убивать и особо не калечить... А... Вот этому, – Коршунов указал пальцем на амбала и задумался... Что бы такое учудить? Потом вспомнил «ваххабитовы» посулы, и распорядился: – Отрезать уши!

---

¹⁷ Длина наконечника дротика-пилума – около 30 см.

И двинулся к бассейну. Смотреть на экзекуцию у него не было никакого желания, а в том, что всё будет сделано в точности, как он сказал, можно было бы не сомневаться. Велел бы не уши отрезать, а шкуру аккуратно снять и соломой набить, исполнили бы с удовольствием.

Минут через пять, когда он нежился на солнышке и кушал изюм с черносливом, принесенный банным рабом, на него упала тень.

Один из его бойцов.

– Аласейя, – застенчиво проговорил он. – Можно мы это себе возьмем?

На широченной ладони гота лежали две окровавленные золотые сережки.

– Забирайте, – великодушно разрешил Коршунов и снова расслабился. Все-таки жизнь прекрасна. И даже справедлива. Если ты – имперский легат.

– Чего хотели от тебя эти барсуки? – поинтересовался Ахвизра, присаживаясь на корточки рядом с Коршуновым.

– Им не понравилось, что я – христианин.

– А ты – христианин? – Гот был искренне удивлен.

– А ты не знал?

Ахвизра мощными плечами, испещренными не слишком искусными татуировками.

– Я знал, что твоя тиви Стайса¹⁸ – христианка. О тебе – не знал. Ты не похож на христианина.

– Вот как? – Теперь удивился уже Коршунов. – А что ты о них знаешь?

– Я слышал: ваш бог запрещает людям убивать.

– Это плохо?

– Почему же? – Ахвизра осклабился. – Наоборот, хорошо. Из таких получаются отличные рабы.

– Что ж, – произнес Коршунов, – ты прав. Наш бог не одобряет убийство. И еще многое другое. Но христиане бывают разные. Выходит, я – не очень хороший христианин...

– Зато ты – отличный вождь! – вставил Ахвизра.

– ...Но я не люблю, когда убивают моих ближних, – продолжал Алексей. – И предпочитаю убить тех, кто хочет это сделать, немного раньше. Думаю, невелик грех, ведь я убью одних, чтобы сохранить жизни других.

– Своих, – подчеркнул Ахвизра. – Думаю, я бы тоже мог стать таким христианином. Своих я ни за что не стану убивать.

Гот все понял по-своему, но Коршунов не стал его разубеждать. Бесплезно убеждать волка не есть мясо.

– Завтра утром мы отплываем, – сказал он. – Сообщи капитану.

– Завтра так завтра. Но я бы еще остался на денек-другой. Мне здесь нравится.

– Еще бы! – усмехнулся Коршунов. – Бездельничать, есть, пить и валяться с девками. Хочешь задержаться – я не против. Но тогда завтра с утра – учения по лагерному расписанию.

– Нет уж! – Мотнул головой Ахвизра. – Аласейя сказал «отплываем», значит – отплываем. Как можно спорить с вождем!

* * *

Безухий амбал (он оказался небедным купцом из Финикии), не нашел ничего более умного, как подать на Коршунова жалобу.

---

¹⁸ Тиви – наложница. Для тех, кто забыл предыдущую историю, напомню: по готским правилам Анастасия была не женой, а наложницей Алексея, поскольку у Коршунова была законная жена Рагнасвинта, родная сестра Агилмунда и Сигисбарна.

В результате был оштрафован на сто денариев. За оскорбление Империи в лице ее полномочного представителя. Еще дешево отделался. Судья скостил штраф, учтя отрезанные уши. Хотя, строго говоря, это было нарушением закона, так как ответчик на суд не явился, а доставить его у финикийца уж точно не было никакой возможности.¹⁹ Однако судья счел, что от имени Рима может выступать он сам. Тем более, что деньги эти шли не Коршунову, а в городскую казну. Формально, конечно, они предназначались Принцепсу, но вряд ли император узнает о такой мелочи, как сто денариев.

Купец денег не заплатил. Судья (им был один из мэров) не сообразил отдать приказ о задержании, и безухий преступник совершенно спокойно сел на корабль и свалил в неизвестном направлении.

А на следующее утро, вдоволь налюбовавшись красотами города, отплыл и Коршунов. До свиданья, Лаодикия! Следующая остановка – Триполис Финикийский.

---

¹⁹ В римском законодательстве сказано так: «Если [он] не идет, пусть [тот, кто вызвал] подтвердит [свой вызов] при свидетелях, а потом ведет его насильно. 2. Если [вызванный] измышляет отговорки [для неявки] или пытается скрыться, пусть [тот, кто его вызвал] наложит на него руку. 3. Если препятствием [для явки вызванного на судоговорение] будет его болезнь или старость, пусть [сделавший вызов] даст ему выючное животное (jumentum). Повозки (arceam), если не захочет, представлять не обязан». Такой вот интересный юридический казус.

Глава пятая

Близ побережья Сирии. Пираты «сирийского» моря

В Триполисе они не задержались. Коршунов предъявил в порту свои грамоты, выданные еще тогда, когда они отбывали в Сирию. Само собой, они немного устарели, но местному портовому начальству хватило. В грамотах было велено оказывать подателю сего всяческое содействие. Которое и было оказано: поставили на загрузку-разгрузку, минуя общую очередь и без всяких «подарков» и пошлин.

Тем не менее они с Настей и Красным прогулялись по городу. Триполис был красив. Белые колонны и портики, выложенные ровными чистыми плитами мостовые, фонтаны и общественные бассейны, великолепные статуи, великолепные фронтоны общественных зданий и, конечно, храмы, храмы, храмы... Большие и поменьше. Изящно-элегантные и внушительно-респектабельные... Обычное дело при здешнем обилии богов. Словом, это был типичный римский город восточного Средиземноморья. Единственное отличие – солидная каменная крепость на берегу.

Говорили здесь на головоломной смеси из нескольких языков, но Коршунов вполне мог бы на нем изъясняться²⁰, а Анастасия даже говорить.

В общем, прогулялись по главной улице, покушали зажаренных в муке морепродуктов: мелких кальмарчиков, креветок, акулых мальков, запили эту прелесть разбавленным охлажденным вином и отправились восвояси. На корабль то есть.

Загрузка продуктов и воды уже закончилась. Ахвизра вернул Коршунову сдачу с оставленных для закупки ауреев, и «Любимчик Посейдона» отчалил.

От Триполиса до Тира, где Коршунов намеревался задержаться подольше, – рукой подать. Три дня пути при попутном ветре. Тем не менее без приключений не обошлось. На «Любимчика» напали пираты.

Случилась это глупая шутка, когда они уже миновали Берит²¹ и до Сидона²² оставалось миль десять.

Целая свора небольших суденышек, туго набитых смуглыми разбойниками отчалила от берега и ринулась на перехват, вопя и размахивая разнородным оружием. Гребли местные флибустьеры качественно и никаких шансов уйти от них с крейсерской скоростью в два узла у «Любимчика» не было.

Матросики малость напряглись. Повадки у здешних пиратов были нехорошие: если кого и оставляли в живых, то продавали далеко-далеко. Чтобы не настучали местным властям о разбое. Ведь пиратов в Римской империи тоже гуманизмом не баловали. Сразу на крест. Но алчность – чувство могучее и легко затмевающее страх. Плывет, понимаешь, жирный купец, чьи трюмы (судя по осадке) отнюдь не пусты, а охрана, в лучшем случае, дюжины полторы наемников. Ну как тут не искуститься?

– Ахвизра, – сказал Коршунов. – Давай-ка не будем их пугать заранее. Лучше мы их немного удивим.

Ахизра сразу все понял. Все сто восемьдесят шесть готов быстренько слились в трюм. Да так ловко, что и следа не осталось. На палубе остались человек десять бойцов, укрывшихся,

---

²⁰ Это так называемая «лингва франка» – смесь латыни, греческого, семитских диалектов и пр. Собственной родной финикийской речью жители древней Финикии перестали пользоваться еще до Рождества Христова. Впрочем, кое-где он остался. На монетах, например.

²¹ Нынешний Бейрут.

²² Крупный приморский город, весьма красивый, успешно доживший до нашего времени.

кто где. А также Алексей, Красный и полторы дюжины самых выдающихся «спецназовцев» во главе с Ахвизрой – в надстройке. Больше сюда просто не влезло. Настю Коршунов, естественно, отправил вниз.

На мирном «Любимчике» не было ни абордажного мостика-«Ворона», ни грузил для пробивания днищ, ни боевых орудий. Просторная палуба с навесом и надстройкой на корме – вот и все «защитные» сооружения.

– Значит так, – сказал Алексей капитану. – Отправляйся в трюм и ничего не бойся.

Судя по физиономии капитана, он предпочел бы другой расклад: например, чтобы молодцы-готы выстроились вдоль бортов и повергли финикийскую разбойную братию в священный трепет. Но Алексей желал развлечься. А заодно вырезать сотню-другую негодяев. Он с детства, с тех самых пор, когда здоровенные гопники отняли у третьеклассника Алеши накопленные на плеер деньги, терпеть не мог грабителей. На его любимых варваров это, само собой, не распространялось. Те ведь не выискивали слабых, а, наоборот, предпочитали тех, кто позубастее. Правда, у зубастых и жирка накоплено побольше.

Не исключал Коршунов также и возможности немного подзаработать. За живого пирата по законам империи полагался приз. За мертвого – тоже, но меньше.

Алексей был уверен, что всё получится, как он задумал, но всё-таки слегка волновался. Хотя немного адреналинчика – это только приятно.

Флибустьеры пришвартовались к «Любимчику» практически одновременно. Все четырнадцать лодок. В каждой, по приблизительным прикидкам, по десятку головорезов.

Что ж, моряками они были отличными. Десятки крючьев впились в борта тоже практически одновременно. Пять секунд – и смуглые обезьяны с оружием, рыча и визжа, посыпались на палубу. Опыт слаженных действий у них явно имелся.

Отсутствие недружественного приема их, похоже, удивило. Но не смутило. Большинство тут же ринулось к ведущим в трюм люкам. Некоторые сунулись к надстройке, но увидев могучую фигуру Красного с мечом наголо и копьем наготове, решили с зачисткой палубы повременить. Тоже понятно: несправедливо, если одни будут умирать, а другие – набивать мешки.

Люки открываться не хотели. Даже, когда их пытались поддеть топорами и копьями. Естественно, их же придерживали изнутри. А флибустьеры продолжали лезть на палубу.

Коршунов выжидал, пока по его прикидкам, число пиратов на палубе превысило сотню голов, а потом мощно, перекрывая вопли и галдеж злодеев, рявкнул приказ.

И началось.

Трюмные люки распахнулись. Да не просто распахнулись, были с силой отброшены в сторону, попутно ушибив тех пиратов, которые оказались слишком близко.

Тут же из сходов на палубе выскочили с десятков готов, вмиг расчистили место вокруг люков, из которых уже лезли наверх бешенные германцы в форме римских легионеров.

И одновременно из надстройки вырвались Ахвизра сотоварищи. Вырвались, тут же выстроились линией (вот что делает с безбашенными готами римская выучка!) и ринулись на пиратов.

Те поначалу малость растерялись. Но надо отдать им должное, быстро опомнились и храбро бросились в бой.

Алексей не мог оценить происходящее на палубе, потому что находился позади шеренги, и готы, рослые, да еще и в шлемах, перекрывали весь обзор. От борта до борта. Коршунов подумал – не влезть ли на надстройку, но мысль эту отверг. Во-первых, там он станет отличной (и весьма заманчивой в своей форме легата) мишенью для всех стрелков и метателей. Во-вторых, кем тут руководить? Неужели его парни не справятся с каким-то разбойничьим сбродом. Ну а в-третьих, для него и здесь нашлась работа. Некоторые особо ловкие флибустьеры просачивались по бортам, или вскарабкавшись на мачту, отважно сигали вниз, оказываясь позади шеренги. Вот тут-то их и ждали Коршунов и Красный. Надо отдать пиратам должное: дрались

многие мастерски. С одним таким Алексей рубился почти минуту, но так и не смог достать. Выручил Красный. Возник позади, треснул по шлему окованной железом дубиной, которой он нынче вооружился вместо привычного копья и – спокойной ночи, дядя. Ту же операцию он проделывал и с теми павшими, кто еще не отправился в Аид, а просто прилег отдохнуть после соприкосновения с легионерским оружием. Коршунов очень хотел как можно больше пиратов взять живьем. И в этом была определенная сложность. У пиратов, само собой, такой проблемы не было.

Железная стена щитов тем временем неспешно двигалась вдоль палубы. Короткие удары спат и копий, дикие вопли, бешеные удары по сомкнутым skutumam. У пиратов щитов не было. Они не рассчитывали на бой. Они готовились к резне. А без щитов большинство здешних бойцов просто не представляло себе боевых действий. Так и легионеров тренировали. Ты можешь потерять меч, копье, всё атакующее оружие, но пока у тебя есть щит – ты полноценная боевая единица. Нет щита – ты труп. Не зря одной из главных задач любимого римского метательного оружия – пилума, было увязнуть в щите и увеличить его вес. Три тяжелых дротика – и щит становится неподъемным. Так что германцы Коршунова спокойно, по-готски основательно двигались и по трупам, и по еще живым, гоня перед собой отчаянно сопротивляющийся пиратский вал.

Примерно так несколько лет назад римские когорты давили самих готов. Вот только у местных флибустьеров не было могучих героев, способных ударом копья вынести легионера из строя или с разбегу взбежать по щитам и обрушиться на головы римских солдат. Не та порода. Да и размеры не те. Так что злодеи пенились и ярились перед линией щитов... И продолжали умирать. Хотя нет, находились и среди них герои. Один из разбойников, вооруженный здоровенной (впору деревья рубить) секирой, прыгнул вперед и со всего размаху нанес такой удар по одному из skutumov, что тот треснул, и основа повисла на медной оковке. Будь его хозяин просто диким варваром, он бы отбросил щит и дрался с тем оружием, что осталось. Но этот германец уже прошел через легионерскую выучку и, не раздумывая, шагнул назад, а его место тут же занял Красный. При его росте дубина была не менее эффективна в ближнем бою, чем спата. Впрочем, отступая, гот не забыл метнуть поврежденный щит в своего противника. Тот плюхнулся на палубу, и миг спустя калига²³ ближайшего воина расплющила ему нос. А еще через секунду удар Коршуновской сандалии в висок отправил силача в нокдаун.

Да, пираты бились храбро и достаточно умело. На взгляд Коршунова – слишком храбро и умело для каких-то местных разбойников. Но шансов у них всё равно не было. Тяжеловооруженные, численно не уступающие, вдобавок более сильные физически легионеры Коршунова давили их одной только мощью. Тем более на ограниченном пространстве палубы – ни убежать, ни сманеврировать.

Всё закончилось бы еще быстрее, если бы Коршунов заранее не предупредил парней насчет приза за живых пиратов. Рачительные готы, неуязвимые за своими щитами, в настоящих качественных доспехах, обрабатывали «клиентов», как расшалившихся бычков. Не забыли и о тех разбойничках, которые внизу. Человек тридцать соскользнули с бортов по пиратским веревкам и успокоили оставшихся в лодках.

А затем принялись вылавливать из воды самых сообразительных: догадавшихся бросить оружие и сигануть в море. Дело нехитрое: древком по голове – тюк, а потом за волосы и – в лодку.

Итог: тридцать один убитый, семьдесят с лишком раненых, и около пятидесяти целеньких, почти не поцарапанных.

Неплохой результат.

О чем Коршунов и сообщил своей гвардии.

²³ Напомню, что калига – штатная обувь римского легионера. Прочная сандалия с толстой подошвой, подбитой гвоздями.

Бойцы довольно ухмылялись. С их стороны – потерь нет. Так, с полсотни царапин. На всех. Рикс Аласейя – замечательный рикс. На пустом месте, можно сказать, в чистом море ухитрился добычу надыбать.

От особо азартных поступило предложение: высадиться на берег и разграбить селение. Коршунов его отклонил. Сказал: а что там брать? Сушеную рыбу?

Аргумент был принят. Но даже скажи он правду: что разбойники – это разбойники, а мирные жители, это мирные жители, за жизнь коих по законам Империи полагается суровое наказание, его варвары всё равно не стали бы спорить. Его авторитет рикса был абсолютен. И останется таковым до тех пор, пока ему будет сопутствовать удача.

Одно плохо: на судне стало тесновато. И пованивало изрядно, хотя моряки уже прибрались на палубе, а трупы регулярно обливали морской водой.

Еще Коршунов распорядился оказать раненым простейшую медицинскую помощь и всех регулярно и щедро поить водичкой. Свою добычу он собирался доставить не в Сидон, а в Тир. До Тира же – тридцать миль. Пара суток пути.

Глава шестая

Старинный город Тир. Об алчности, которая не доводит до добра, о коварстве киликийцев и беспристрастном римском правосудии

Им повезло. Ветер чуток посвежел, и они увидели Тир примерно в восьмом часу²⁴ по местному времени.

Скалистый остров, соединенный с материком добротной римской дорогой, богатый город Тир был хорош. Да что там хорош – он был великолепен! Две гавани, в одну из которых, Сидонскую, они и вошли. Множество кораблей. В большинстве, впрочем, торговых. В том числе и здоровенных зерновозов, следующих в Италию. Вот один такой как раз сейчас разворачивается на выход. Что характерно – соло. То есть – без сопровождения. То есть пиратской ватаге вроде той, что по глупости напала на «Любимчика», перехватить эту парусную громадину ничего не стоит. Вопрос: что они потом будут делать с добычей? Зерно – не шелк и не золото. Чтобы его реализовать, надо иметь соответствующую каналы сбыта. Но – спасибо местным флибустьерам! Подсказали идейку. Не факт, что она понравится Генке, но как вариант... А что Тир – военная база региона, так это ровно ничего не значит. Из военных кораблей Коршунов заметил только одну, стоявшую со спущенными парусами бирему. Маловато для обеспечения безопасности. Зерновозы – вот они, а военный флот где-то в плавании. Минус: пообщаться с морским префектом Коршунову не удастся.

Ну да и хрен с ним, с «адмиралом»! Будем наслаждаться путешествием. И Тиром, в частности.

Ах какой город! Какие здания! Ей-Богу, ничуть не хуже, чем в богатых кварталах Рима. А исполинская статуя Геракла, восставшая над материковой частью!

Да, Алексей и раньше слышал, что Тир – место выдающееся. Еще бы, римская колония!²⁵ Но увиденное – потрясло. Даже в богатейшей Антиохии, пожалуй, не было такой архитектурной роскоши.

Стоявшие вдоль бортов готы лениво обменивались замечаниями. На тему, как было бы хорошо ограбить этот город. Рассуждали чисто гипотетически. Данным клятвам они изменять не собирались. Но почему бы и не помечтать...

Коршунов, на сей раз не поленившийся облачиться в форму легата – предъявил свои полномочия и поинтересовался, как попасть к зданию местного руководства.

Портовый чиновник любезно выделил посыльного.

Кентурии Коршунова (минус десяток, который был оставлен сторожить пленников) прошли через остров, попутно полюбовавшись местным стадионом, рядом с которым стояли цистерны для воды. Алексей уже знал, для чего они тут поставлены. Если стадион залить водой, то на нем можно устраивать «морские сражения». Римской публике это такие представления очень нравились. Здешней, надо полагать, тоже. Да и римлян тут хватало: как-никак у Тира – статус римской колонии. А это – огромная скидка по налогам.

Кентурии покинули остров и вступили на перешеек: восемьсот метров превосходной римской дороги.

И водопровод – сверху. Надо полагать, своей пресной воды на острове не было.

---

²⁴ Напомню, что римляне делили сутки так: 12 дневных часов и 12 ночных. То есть длина часа менялась в зависимости от длины дня и ночи.

²⁵ Статус римской колонии Тиру даровал император Септимий Север в благодарность за поддержку, оказанную в те времена, когда Септимий еще не был императором, но очень хотел им стать.

Сразу за перешейком начиналась главная улица города. Тут было на что полюбоваться. Архитектурная пышность поражала. Встречались даже дома в восемь этажей. И не какие-нибудь доходные инсулы, а настоящие дворцы.

Миновали стены ипподрома, тоже вполне сравнимого с римскими – метров пятьсот длинной,²⁶ над которым и высилась циклопическая статуя Геракла-Геркулеса.

А вот и здание городского руководства! Да что там здание – настоящий дворец!

Оставив свой эскорт (кроме Красного и Ахвизры) снаружи, Коршунов неторопливо поднялся по ступеням. Смотрелись они неплохо: Коршунов в золоченом анатомическом панцире, с легатской перевязью, в шлеме с красным хвостом, в украшенных чеканкой золоченых же поножах. И Красный с Ахвизрой. Оба – в серебряных кентурионских доспехах, огромные, как башни.

Охрана не то, чтобы задержать их не посмела – салютовала чуть ли не как императору.

Внутри их встретил бритый раб, тут же склонившийся в низком поклоне.

– К дуумвирам! – рявкнул Алексей, и раб, еще раз согнувшись до полу, быстро засеменил впереди.

Распугав свору жалобщиков и побирušек в приемной, Коршунов уверенно толкнул дверь в кабинет...

И ему тут же стало неудобно.

Внутри находился один из мэров города. И он *работал*. Алексей сразу вспомнил Генку. Тот тоже тонул в бумагах. И готов был пришибить любого, кто ему мешает. Чертова бюрократия...

Мэр Тира (судя по внешности – настоящий римлянин), пришибать Коршунова не стал.

Поднял голову, вздохнул, отложил очередной папирус, поднялся и вопросительно посмотрел на Коршунова. Судя по его лицу, он был готов к чему угодно. Вплоть до того, что сейчас ему представят императорский указ о том, что он – государственный преступник. Секретарь мэра тут же отступил в угол, в тень. Надо полагать, решил что и его не помилуют.

– Легат Первого Германского легиона Алексей Виктор Мильв! – представился Коршунов и салютовал.

– Тит Юний Патиенс, прокуратор. Сальве! – представился в свою очередь хозяин помещения. – Что ты принес мне, легат?

– Ничего, что могло бы тебя огорчить, – Алексей улыбнулся как можно доброжелательнее и положил на стол письмо от Черепанова. Вернее, от наместника провинции Сирия, где тот повелевал оказать его другу и первому помощнику как можно более теплый прием.

Тит Юний улыбнулся.

– Что ж, – сказал он, – ради друга такого справедливого и мудрого наместника, как Геннадий Павел, я готов на время оставить эти скучные документы. Амфей, – прокуратор повернулся к секретарю. Гони всех. Сегодня я никого принимать не буду. И пусть принесут вина мне и доблестному легату. А этим людям...

– Я прошу прощения, дорогой Тит Юний, – перебил его Коршунов. – Клянусь Бахусом, я непременно выпью с тобой вина, однако есть неотложное дело, которое я хочу решить немедленно. На моем судне вялятся на солнце две сотни пиратов, живых и дохлых. И что-то мне подсказывает: пока мы с тобой будем пить вино, дохлых пиратов станет больше.

Дуумвир нахмурился, потом снова улыбнулся: улыбка у него была приятная: политик как-никак.

– Думается мне, – произнес он, – для городской казны было бы полезней, если бы живых осталось поменьше, но почти всю нашу эскадру, двадцать шесть либурн, наш морской префект увел в Египет, откуда они вернутся не раньше июньских календ. Следовательно ты, легат, ока-

---

²⁶ Крупнейший цирк Тира достигал 480 метров в длину и 92 метров в ширину.

зал нам немалую услугу. – И, повысив голос: – Квестора и префекта вигилов ко мне! И пусть возьмет с собой полсотни своих людей. И приготовить мою лектику²⁷. Мы идем в Сидонскую гавань.

Пиратов принимали поштучно. И раздельно. Мертвых в одну сторону, живых – в другую. Живые стояли в десять раз дороже. И это естественно. Если бы вознаграждение было незначительным, их бы просто продали на рынке. Живых осталось девятью восемью. Три десятка злодеев умерли по дороге. Им можно было позавидовать. Составили акт о передаче. Деньги квестор обещал выдать завтра.

Бойцы Коршунова весело переговаривались. Шутили насчет того, как славно под таким солнышком вялится мясо.

Коршунов покосился на Ахвизру. Тот относился к мрачному юмору подчиненных вполне благосклонно. А ведь сравнительно недавно сам висел на кресте...

– Пусть готовят кресты за городскими воротами! – распорядился префект.

Времени он не терял: разбойников уже забивали в колодки. Тех же, кто из-за ран не мог самостоятельно передвигаться, забрасывали на телеги. Вповалку, как мешки с зерном.

Один из преступников привлек внимание префекта:

– Этого ко мне! – распорядился тот.

Пирата подтащили поближе. Тут и Коршунов его узнал, хотя и не без труда, потому что вся голова пирата была покрыта коркой запекшейся крови, нос распух, а глаза превратились в узкие щелочки.

Тот самый здоровяк, который прорубил щит легионера.

– Фульвий! – прорычал он. – Ты как тут оказался?

– Ошибка вышла, пил²⁸, доверились чужаку.

– Ну-ка?

– Приплывал к нам киликиец. Вино, воду, продукты брал у нас... Попить дай, командир, глотка горит.

– Дайте ему воды, – распорядился префект.

– Ну вот, – утолив жажду, Фульвий стал говорить более внятно. – Киликиец выпил и разговорился: мол, скоро корабль мимо нас проплывет. Из самой Италии. Трюмы добром набиты, охрана – тридцать человек. Бойцы, сказал, хорошие, но и добыча изрядная. Ну мы сдуру и соблазнились. – Пират сплюнул, вздохнул.

– Что ж тебе спокойно не сиделось! – сердито произнес префект. – Надел тебе дали, денег, небось, тоже скопил...

– Так ведь денариев много не бывает, – сказал бывший легионер. – И нам в шелках ходить хочется!

– Много наших там? – Префект мотнул головой в сторону пленных.

– Шестеро. И одиннадцать – там, – он показал на штабель трупов. – Помог бы, командир, а? Орлом нашим клянусь – никогда более!

– Орлом, говоришь? – префект недобро прищурился. – Оpozорил ты нашего Орла! – и, подчиненным: – В колодки его!

– Постой! – вмешался Коршунов. – Скажи-ка, Фульвий, а киликиец этот... У него как с ушами? Нормально?

– А ты откуда знаешь? – удивился пират. – Не было у него ушей. Подчистую срезали. Причем недавно. Эх, чуял я, недобрый это знак!

---

²⁷ Большие носилки. Древнеримский вариант лимузина.

²⁸ Старший кентурион когорты, pilus prior.

– Забирайте, – разрешил Коршунов. – Он мне больше не нужен. А киликийца этого я знаю...

И рассказал историю, случившуюся в Лаодикии.

– Мы его найдем, – пообещал дуумвир. – Разошлем приметы. Рано или поздно он попадется. А этот человек, префект, с которым мы разговаривали сейчас, он – кто?

– Опцион мой. Из третьей центурии. Жадный. Хитрый. Но воин хороший. Был.

– Хороший, – согласился Коршунов. – Свидетельствую. А теперь, мой любезный Тит Юний, я готов пить вино. Только сначала желательно разместить моих людей...

Глава седьмая

Окрестности Тира. Римская оргия в провинциальном стиле

Второй дуумвир разительно контрастировал с первым. Изнеженный патриций, жидкая кровь пронзительной голубизны. Пока папа в Риме протирал тогу на скамье Сената, сынок радовался жизни в далеком от столичных страстей семейном поместье. Надо отдать должное предкам выюноша, поместье они отгрохали роскошное. Здоровенный бассейн с обрамлением арок, колонн и статуй, великолепные просторные термы – для публичных приемов, и маленькие, но еще более роскошные, чтобы хозяин мог приятно провести время в небольшой теплой компании. Везде мозаики, инкрустации... Аккуратно подстриженные кусты и тенистые беседки, где под журчание фонтана и мерные взмахи опахал так приятно дремать в полуденную пору.

Одного взгляда на сенаторского сынка было достаточно, чтобы понять: город Тир ему по барабану. Должность свою выборную он получил исключительно за бабло и зачем она ему – тоже понятно. Нормальное скромное начало политической карьеры.

Кудрявенький красавчик с насурьмленными бровями и нарумяненными пухлыми щеками. Но – обходительный. Коршунова приветствовал так, будто тот – его близкий друг, вернувшийся из дальнего путешествия. Анастасию осыпал комплиментами. На Красного вообще воззрился, аки на ожившую статую Геркулеса. И высказался соответствующе. Гепид отнесся к комплиментам равнодушно. Будучи гладиатором в Риме, он еще и не такое слышал.

В пиршественном зале, за столами возлежали гости. Алексею с супругой, естественно, предложили почетное место – третье на медии²⁹. Сам хозяин возлег рядом – на первом месте иммуса. Третьим, на медии, был не Красный (его устроили за другим столом, попроще), а тощий, черный, будто высушенный на солнце мужик с римским носом и челюстью, похожей на таранную часть триремы. Мужик оказался префектом Двенадцатого Молниеоружного (если так можно перевести латинское «*Fulminata*») легиона, чей лагерь располагался неподалеку от Тира. Очень удачно получилось. На ловца и зверь бежит.

Префект командовал легионом, потому что направленный из Рима легат так до сих пор и не прибыл. Префект по поводу неприбытия легата ничуть не печалился. А вот то, что из Рима вот уже больше года не поступало финансирования, его очень даже огорчало.

– Если бы не наш наместник, – доверительно сообщил он Коршунову, – мне еще зимой нечем было бы кормить солдат. Не говоря уже о жаловании.

Как оказалось, Генка еще в январе перевел значительную сумму в фонд Двенадцатого. Что ж, на него это похоже. Можно не сомневаться, что и остальные сирийские легионы не остались без помощи.

Только сейчас Коршунов начал понемногу понимать, что бумажные подвиги друга (равно как и рассылаемые по всей провинции гонцы), это не игра в большие начальники, а нужное и трудное дело. С которым Генка справлялся весьма успешно, иначе вряд ли бы всякое местное руководство расточало бы ему хвалы. Причем не формальные, а самые что ни на есть искренние.

– Передай нашему наместнику, – негромко произнес префект, приподнявшись так, чтобы расположившаяся между мужчинами Анастасия не заслоняла его, – что я – всецело на его стороне. Ты понимаешь, о чем я?

Коршунов кивнул. Чего тут не понять? Если Черепанов захочет поднять мятеж против Рима – у него уже есть сторонники. И весьма серьезные. Легионеры Двенадцатого – не какие-

---

²⁹ Обычно римский стол окружали три ложа: медий, иммус и сумус. На каждом – по три лежащих места.

нибудь новобранцы. В двух кампаниях против парфян участвовали. История у легиона серьезная. Его когда-то сам Юлий Цезарь сформировал.

Пищей префект не злоупотреблял. Вином – тоже. На фоне других гостей, жрущих и пьющих, перемалывающих дорожные лакомства с такой скоростью, будто их неделю не кормили, воздержанность старого вояки выглядела странновато. Настя тоже ела немного. А вот Коршунов решил ни в чем себе не отказывать. Тем более, что и блюда были восхитительные. Например, нежнейший козленок под восхитительным соусом прям-таки таял во рту. А уж какие тут были морепродукты!..

Сначала столы меняли примерно раз в полчаса, а хруст и чавканье практически заглушали музыкантов. Потом скорость замедлилась... Возможности человеческого организма, даже очень тренированного в жарке, несколько ограничены. Впрочем, многие гости периодически выходили из-за стола поблевать. Тут это принято. Опорожнился – и загружайся по новой.

Хозяин дома решил развлечь Алексея беседой. Сначала попросил рассказать о Максимине Фракийце. Действительно ли тот был таким чудовищем, как о нем говорят.

Еще и пострашнее, ответил Коршунов. И тут же добавил, что еще более страшен был Максимин для врагов империи. Но эта тема сенаторского сынка не заинтересовала. Он желал знать подробности о жестокостях Максимиана. Коршунов не стал его разочаровывать. То, что он видел сам, было не очень интересно. Подумаешь, убил возразившего ему эдила ударом кулака. Ну и где тут история? Так что Алексей поведал о том, что ему рассказывали. Как Фракиец зашивал в свиные мешки и топил в нужниках нерадивых чинуш. Как он заливал в глотки алчным чиновникам расплавленное серебро...

– Отличная шутка! – одобрил сенаторский сынок. – Помнится, наш нынешний наместник проделал что-то похожее со своим предшественником.

– Попроще, – ответил Коршунов. – Он велел набить ему в рот монетами. Но этого тоже хватило. Задохнулся.

– Жадный был человек, – заметил хозяин виллы. – Даже ко мне приходили его мытари. Я велел рабам гнать их взащей, однако они пообещали вернуться с солдатами. Так что я в некотором роде обязан твоему принцепсу. Ты был с ним в то время?

Коршунов кивнул.

– Значит и тебе тоже, – сказал патриций и высоко подняв чашу, провозгласил:

– Во здравие нашего почетного гостя легата Алексия Виктора! Да живет он долго и славно!

Все разом заорали, а оркестр грянул нечто бравурное. Впрочем, через полминуты всё вернулось в прежнюю колею. Гости насыщались, а многие уже довольно неприлично (не по римским меркам, само собой) щупали своих дружков и подружек.

– Люблю проводить здесь холодное время года, – сообщил Алексею сенаторский сынок, вольготно раскинувшись на ложе. – Но после майских ид я обычно уезжаю в наше имение в Никейе³⁰. Здесь становится слишком жарко. А скажи мне, легат Алексей, могу ли я предложить твоему телохранителю разделить со мной ложе?

– Безусловно, – ответил Алексей. – Ты можешь ему это предложить. – И тут же опустил обрадованного патриция. – Однако должен тебя предупредить: до того, как стать римским кентурионом, он был вождем диких германцев. И за подобное предложение может тебя убить.

– Как убить? – изумился сенаторский сынок, у которого в голове не укладывалось, как его, такого знатного, такого богатого и симпатичного, могут убить. – Пронзить мечом?

– Думаю, просто кулаком, – спокойно, будто речь шла о качестве поданного вина, ответил Алексей. – Но не исключаю, что он согласится. Хотя склонен думать, что всё-таки убьет.

---

³⁰ Никейя – современная Ницца.

– Но его же потом казнят! – воскликнул патриций. – Или отправят на арену!

– Он уже бывал на арене, – поведал Коршунов. – Был гладиатором в самом амфитеатре Флавиев. Так что вряд ли его испугает красный³¹ песок.

Сенаторский сынок надолго задумался... Потом спросил:

– А приап у него, надо полагать, как у осла?

– Особо не разглядывал, – ответил Алексей. – Но ты можешь у него спросить. А еще лучше пришли к нему пару девочек – они тебе все и расскажут.

Благородный व्यюнош опять глубоко задумался. Вероятно о том, не выдать ли себя за девушку?

С трудом сдержав смехок, Коршунов вернулся к беседе с префектом. Вот это было намного интереснее. Префект рассказывал о парфянах. Вернее, уже о персах. О том, как молодой и хищный перс Ардашир уничтожил прежнюю парфянскую династию и сел на трон Сасанидов. Случилось это сравнительно недавно – пятнадцать лет назад. Но шахиншах уже показал, что он – весьма опасный сосед. Префект считал, что в самое ближайшее время персы попытаются отхватить себе солидный кусок по нашу сторону Евфрата. И с нынешним уровнем боеготовности сирийских легионов удержать границы империи будет трудно. Одна надежда – на нового наместника провинции. Он сам – воин. И понимает, что нужно воинам. Глядишь, укрепит нашу обороноспособность.

К полуночи гости напились просто по-свински. Некоторые – до полной потери ориентации. Этих рабы деловито растаскивали по покоям. Оставшиеся продолжали «отдыхать». В том числе и Коршунов. Есть ему уже было некуда, а вот пить – вполне. Нежное белое вино с ледяным крошевом – чудесный напиток.

Главное – по сторонам не смотреть, а то как-то... Неприятно. Римская оргия – не то зрелище, которое стоит изучать поближе. Это у эллинов был культ красоты тела. У благородных римлян, судя по всему, культ наполнения желудков.

Префект Двенадцатого как-то незаметно слился. Коршунов и сам подумывал: пора в постельку. Но как-то было лениво. Вино хорошее, погода славная, Настенька рядом... А что вокруг пыхтят и хлюпают – так и хрен с ними.

Анастасия осторожно вывернулась из его объятий:

– Я ненадолго.

Вернулась она и впрямь быстро. Только немножко встрепанная. Алексей сразу насторожился:

– Тебя кто-нибудь обидел?

– Меня трудно обидеть, – улыбнулась бывшая шпионка Римской империи Анастасия Фока.

И пристроилась рядом...

Но не прошло и минуты, как на их ложе плюхнулся красный лысый толстяк в перепачканной вином тунике.

– Ах вот ты где, моя сладенькая! – проворковал он, протягивая лапу к Анастасии. – Такая игривенькая наядушка...

Не дотянулся. Алексей перехватил потную, унизанную кольцами лапку, и сжал как следует. Лысый взвизгнул.

– Красный! – позвал Коршунов. – Возьми этого господина и выброси в бассейн. Ему надо умыться.

---

³¹ Песок арены во время травли и гладиаторских боев частенько подкрашивали, чтобы кровь была не так заметна. Почему – не знаю. Насколько я понимаю, римлянам нравилось, когда лилась кровь.

Гепид стряхнул с себя трех разномастных баб (та, что постарше – из благородных, те, что помладше – из обслуживающего персонала) и встал. Благородная тетушка с охами и стенаниями повисла на его бедре, но Красный довольно грубо щелкнул ее по лбу, и матрона отвалилась.

Перемахнув через соседнее ложе, гепид ухватил лысого и вздернул его с ложа.

Лысый возмущенно заорал.

Суть вопля сводилась к тому, что негоже всякой черни трогать его, римского всадника, сына благородных родителей и прочее, прочее.

Орал так зычно, что привлек общее внимание.

– Красный, друг мой, – так же лениво и даже не очень громко произнес Коршунов. – Если эта блевотина не заткнет пасть, оторви ему яйца. А уж тогда пусть орет в свое удовольствие.

Лысый услышал. И поверил. Заткнулся на полуслове. К немалому огорчению большинства присутствующих, которые, судя по всему, с удовольствием поглядели бы на экзекуцию.

Красный вскинул его на плечо и унес.

– А ты – суров, легат, – с одобрением заметил сенаторский сынок. – Твой человек действительно оскопил бы его?

– Когда я приказываю – меня слушаются, – ответил Коршунов. – И открою тебе маленький секрет, сиятельный, – слово сиятельный Коршунов произнес с легкой издевкой. До того, как стать римским всадником и легатом, я был вождем десяти тысяч варваров. Именно из них, в основном, и состоит мой легион. Так что если я прикажу моему другу Красному снять с тебя кожу, он сделает это, не задумываясь. – И, заметив, как чуть побледнело холеное личико сенаторского сынка, добавил со смехом: – Но зачем мне это делать? Ведь мы – друзья! – и смачно хлопнул патриция по спине. Так, что у того зубы лязгнули.

Вернулся Красный. Сунул руки в чашу для омовения, отпихнул ногой матрону, завалявшуюся на ложе и сграбастал молоденьких рабынь.

– А как относится твой друг и наш наместник Геннадий Павел к твоим... привычкам? – поинтересовался хозяин виллы.

Коршунов хотел сказать, что по сравнению с Геннадием Павлом он просто паинька, но решил, что не стоит портить репутацию Генки.

– Мы – друзья, – сказал он. – А друзей принимают такими, какие они есть. Со всеми достоинствами и недостатками.

У сенаторского сынка, видно, было другое мнение, но озвучивать он его не стал.

– Геннадий Павел – благородный человек, – произнес он с пафосом.

Коршунов чуть не подавился вином.

– Почему ты так решил?

– Разве божественный Гордиан³² отдал бы свою дочь за другого?

– Вне всякого сомнения, ты прав! – согласился Коршунов. – Так выпьем же за него!

– За божественных Гордианов и ныне здравствующего Августа! – провозгласил патриций (хотя Алексей имел в виду Генку) и даже привстал на ложе.

Те, кто был способен его услышать, немедленно поддержали:

– За Гордиана! За императора!

Прогнуться перед властью – это святое. А вот не прогнуться – довольно опасно. Прогнувшиеся настучат.

А юный патриций между тем уже порядочно набрался. И принялся хвастаться. Главным образом своими связями в окружении молодого императора Марка Антония Гордиана. И ненароком проболтался, что Черепанова в этом окружении не жалуют. А вот в Сената, наоборот, многие к Геннадию очень даже расположены. В частности, папа юного патриция очень даже неплохо к наместнику относится. И добавил, вертя в пальцах новенькую монету с профилем

---

³² После смерти отец и сын Гордианы (Первый и Второй) были обожествлены.

Гордиана Третьего Августа, что если бы часть тех налогов, которые сирийский наместник недоприслал в Рим, попала в дружественные руки, то это было бы очень правильно. А то ведь есть нехорошие люди: распускают слухи, что наместник Геннадий сам в императоры метит. А что? Жена его Корнелия – дочь и внучка божественных Гордианов. В войсках его уважают...

Коршунов насторожился. Настолько ли паренек пьян? А если это – пробивка?

Посему Алексей самым решительным образом заявил, что ни он, ни его друг наместник даже и не мыслят жизни без Гордиана Третьего во главе империи. Всё прочее – досужие слухи, которые распускают враги Августа и его преданного сторонника наместника Геннадия. Чертова политика! Ей-Богу, проще от ножа в спину уберечься, чем от интриг.

– Не стоит доверять этому юнцу, – сказала Коршунову Настя, когда они остались наедине. – Я знаю таких: слабые и жестокие. Предательство у них в крови.

– Не беспокойся, любимая, – ответил Алексей. – Насчет того, что мы – друзья, я пошутил.

«Не хватало мне только друзей-пидоров, – добавил он про себя. – Тем более, мы завтра отплываем».

Глава восьмая

Тир. Цирк. Гладиаторы

Тем не менее завтра они не отплыли. Это было бы просто невежливо. Благородный патриций решил устроить гостям города подарок. Собственно, не только им, но и всему Тиру. Игры! Замечательные римские игры. С травлей зверей и травлей зверьми, с гладиаторскими боями и прочими кровавыми зрелищами, на которые так падки цивилизованные римляне и прочие менее цивилизованные народы. Коршуновские варвары, в частности. Богатенький патриций решил таким образом почествовать личного друга наместника. А попутно снискать дополнительный политический капитал.

Хотя оплачивал игры дуумвир, почетное место распорядителя игр в главной ложе было представлено Коршунову. Сомнительное удовольствие, если учесть, что в обязанности распорядителя входило карать или миловать побежденных гладиаторов.

Здесь же, в ложе, разместились Анастасия, оба дуумвира, рабы с опахалами, раб с напитками и закуской и Красный – в качестве Алексея телохранителя.

Дуумвиры сели по обе стороны Коршунова. Анастасия – немного позади. Так было принято.

Спонсор встал и произнес длинную красивую речь. В лучших традициях римских ораторов. Потом передал слово Коршунову. Тот болтать попусту не стал. Просто отдал приказ начинать.

Народ его немногословность воспринял одобрительно.

Взревели трубы и смертоубийство началось.

Сначала на арену вышли новички. С оружием довольно несерьезным: палками, плетками, лассо... Впрочем, настоящее оружие у некоторых тоже имелось, но большинство поединков заканчивалось почти бескровно. Побежденных не добивали, а некоторых победителей ждало участие в более серьезных поединках.

Это был, так сказать, разогрев. Ставки если и делались, то маленькие.

Потом началась травля. Вот уж тошнотворное зрелище. Сначала две небольшие, но смертельно опасные львицы растерзали в клочья пятерых несчастных (оставалось надеяться, что преступников), а затем семеро охотников с длинными копьями и мечами завалили львиц. Львицы тоже не сдались без боя. Порвали троих из семи. Вот на это, с позволения сказать, состязание ставки делались весьма активно. Причем не на результат (в гибели львиц никто не сомневался), а на число выживших бестиариев.

Наконец рабы заменили пропитавшийся кровью песок свежим и началась главная часть – состязания гладиаторов. Бились по всякому. Один на один, пара на пару, трое против четырех, двое против пяти. Участников, впрочем, выбирали грамотно – так, чтобы разница в числе уравнивалась боевыми навыками участников или их доспехами.

Коршунов «щадил» всех. Нередко вопреки волеизъявлению толпы. Чихать ему было на свою популярность в городе Тире. К смерти он присудил только одного. Этот бился в составе пары «тяжей» против такой же пары ретиариев. И в ходе поединка разрубил своему противнику живот. Так мало того, что разрубил, но сунул руку в рану, вытащил внутренности и продемонстрировал публике.

Публика пришла в восторг. Так вопили, что заглушили крики несчастного.

Впрочем, возмездие последовало незамедлительно. Второй ретиарий, увидав, что творят с его товарищем, бросил своего противника, подбежал к садисту как раз в том момент, когда тот поднял вверх кишки несчастного, и всадил ему в ляжку трезубец. Вырвал с мясом и всадил во вторую. Трезубец застрял, но боец не растерялся: подхватил оружие своего напарника и достойно встретил второго противника: метнул ему в лицо сеть, а затем присел, оперев конец

трезубца в песок. И тот сам, с разбегу, наделся на оружие соперника. Аккурат в пах попало. Не дожидаясь реакции толпы, ретиарий подхватил меч, который выронил противник и двумя руками вогнал тому в горло.

Гуманный поступок.

А вот со вторым «тяжем» надо было что-то решать. С такими ногами драться он уже не мог. Ретиарий легко вышиб у него меч и занес трезубец... Победенный поднял пальчик: мол, прошу пощады. Мнения публики разделились, но тут уж Коршунов был тверд.

Сжал кулак с оттопыренным пальцем и повернул вниз. Бей!

И трезубец вонзился в горло.

Как обычно и бывает, самый вкусный бой приготовили напоследок. Один против четырех. Причем эти четверо тоже были не кусками мяса, а умелыми опытными бойцами. И, как позже выяснилось, неплохо работали в связке. А вот противостоял им настоящий ас. Не слишком высокий (Красный заметно повыше), но широченный в плечах и невероятно длиннорукий. И – негр. С виду – чистая обезьяна – открытый шлем давал возможность полюбоваться приплюснутым носом, толстыми губами и мощными надбровными дугами. Но как он двигался!

Звали черного – Вспышка Молнии, то есть Фульминат. Он оказался тезкой стоявшего вблизи Тира легиона. Доспехи на африканце были сравнительно легкие – что-то вроде кожного колета с нашитыми кое-где полосками металла. Ни наручей, ни поножей. Зато его противники были экипированы основательно. Панцири, шлемы, поножи, немаленькие щиты. Оружие – разное. Меч, шипастая булава, двойной топор, тяжелое копье. Надо полагать, такое разнообразие – для зрелищности. Фульминат был вооружен интереснее. У него тоже был двойной топор-лабрис, но полегче и на очень длинной рукояти. Вдобавок с острым копейным пером над лезвиями. Очень похоже на алебарду. Хотя, насколько помнил Коршунов, у алебарды топорики были существенно больше. К запястью левой руки черного гладиатора был привязан небольшой щит, а держал он в ней меч, короткий, короче гладия. Почти кинжал.

– В прошлый раз он дрался с тремя, – наклонившись к Алексею, сообщил сенаторский сынок. – Победил. Но далось ему это нелегко. Мне пришлось выложить кучу денариев, чтобы уговорить ланисту выставить его против четверки. Так что будет интересно. Хотя не думаю, что он справится. Я поставил против.

– В таком случае я поставлю за Фульмината, – дружески улыбнувшись, сказал Коршунов. – Красный, сделай ставку: триста денариев на Вспышку Молнии! Так будет интереснее, – сказал он патрицию.

Тот вежливо улыбнулся. А что ему оставалось?

– Зря, – шепнул Алексею дуумвир Тит Юний. – Не сдюжить Фульминату четверых. – Я знаю их всех. Они – далеко не последние на песке.

– Я вижу, – тоже шепотом ответил Коршунов. – Но я хочу ему помочь. Говорят, что боги любят меня, друг мой Тит. Может, часть моей удачи передастся и Фульминату. Согласись, это немного несправедливо, если хорошего воина выставляют на убой.

И подал знак: начали!

Бой начался.

Четверо действовали очень четко и явно по заранее составленному плану. Едва загудели трубы, они стремительно разошлись, взяв Фульмината в кольцо, и тут же кинулись на него. Разом, с четырех сторон.

Фульминат был действительно быстр. Если бы не его поразительная быстрота и великолепная реакция, тут бы схватка и закончилась. Но он вывернулся. Крутнулся на месте, пугнув своей алебардой бойца с булавой, и кинулся на вооруженного копьем.

Отшиб копье ударом наручного щитка, сократил дистанцию, но больше ничего сделать не успел. Сбоку подскочил паренек с лабрисом и едва не прорубил африканцу ребра. Фальми-

нат в самый последний миг сумел извернуться, и одно из лезвий лишь чиркнуло по легкому нагруднику, разрубив железную полосу.

В развороте Фульминат подпрыгнул, толкнулся ногой о щит копейщика, отбросив его в сторону гладиатора с мечом, – и оказался вне круга.

Но передышки ему не дали. Боец с булавой налетел на него с разбега и ударил щитом, а обладатель лабриса тут же секанул по ногам.

Фульминат подпрыгнул, пропуская лабрис под собой – и тяжелое копье, брошенное с дистанции нескольких метров едва не угодило ему в грудь.

Черного опять спасли невероятная реакция и потрясающая гибкость, он изогнулся так, что едва не встал на мостик, и копье прогудело в нескольких сантиметрах выше его живота. И раскрученный лабрис тоже. Зато обладатель булавы обрушил на него сокрушительный удар... И тоже промахнулся. Потому что Фульминат не стал разгибаться, а просто упал на спину и двумя ногами пнул гладиатора в щит. Удар был такой мощный, что булавышника унесло назад – под ноги потерявшего копье копейщика. Тот хотел перепрыгнуть, но, видимо, не рассчитал (доспехи-то тяжелые), споткнулся и полетел мордой в песок.

Зрители восторженно завопили. Однако добраться до упавших Фульминату не дали. Двое оставшихся на ногах сомкнули щиты и встали у него на пути.

Черный немедленно бросился в атаку, но бойцы оказались опытными и выстояли ту самую пару секунд, которой оказалось достаточно, чтобы их партнеры снова оказались на ногах. И травля продолжилась. Негра гоняли по всей арене, то пытаясь задавить числом, то прижать к барьеру. Хорошо, что в распоряжении Фульмината была именно вся арена. Бывало, для поединка очерчивали на песке лишь ее часть и жестоко наказывали нарушивших границу.

Африканец бегал. Его враги атаковали. Умело и очень энергично. Тело Фульмината лоснилось от пота. А когда он взмахивал головой, брызги летели во все стороны. Он не сбавлял темпа и, судя по всему, был чудовищно вынослив, но Коршунов уже начал думать, что потерял деньги. Две-три минуты – больше негру не продержаться.

Фульминат был безукоризнен. И – ни одной царапины. На его противниках, впрочем, тоже.

Но первая кровь наконец появилась. Боец с мечом сделал хитрый выпад из-под края щита – и достал-таки Фульмината. На черном лоснящемся от пота бедре появилась красная полоска...

И почти в то же мгновение – почти такая же полоска появилась на бедре мечника.

– Он специально подставился, – шепнул Коршунов Анастасии.

Вряд ли подобный «размен» был в интересах Фульмината, но ему надо было форсировать бой, иначе его бы просто загоняли.

Однако вскоре оказалось, что «размен» этот не совсем равный. Царапина Фульмината так и осталась полоской, а по ноге мечника поползла вниз широкая красная полоса.

Впрочем, рана была не смертельна. Да и от потери крови раненый не свалится. Во всяком случае в ближайшие пару минут.

Секунд десять рассерженные раной товарища гладиаторы давили африканца с бешеным пылом. Тот еле успевал уклоняться и уходить. Коршунов видел, что он всё время пытается выстроить противников в линию, но те не поддаются и атакуют только вместе.

И наконец его достали. Боец с булавой улучил момент и ударил так, что Фульминат не сумел увернуться. Он успел отбить удар своим маленьким щитом, но щит треснул (руке явно тоже досталось), и черный не то, чтобы потерял равновесие... Но рисунок его движения сбился, и прыгнувший с другой стороны мечник ударил его щитом с такой силой, что опрокинул наземь. На сей раз это было отнюдь не запланированное падение.

И четверка мгновенно этим воспользовалась, разом обрушившись на упавшего...

Он всё-таки выкрутился. Ухитрился как-то зацепить ногой бойца с булавой. Тот упал на африканца сверху. Затем Фульминат ткнул своим коротеньким мечом в ступню парня с лабрисом – тот как раз замахнулся, но вынужден был сдержать удар, чтобы не зарубить своего. Словом, отвлекся мужик – и поплатился. А Фульминат снизу ударил лежавшего на нем гладиатора козырьком шлема в лицо. Коршунов удара не разглядел, но увидел, как дернулись головы. Таким козырьком можно запросто перерубить переносицу, но противник Фульмината не особо пострадал – защитили наланичники. Но Фульминат получил секундную фору и воспользовался ею. Вывернулся из-под противника и снова оказался на ногах. Счастливым избежав удар копьем и даже сохранив оружие.

Добраться до упавшего ему опять не дали. Оттеснили в сторону.

Итог: один разбитый нос и одна проколотая ступня. Нос – ерунда, а вот ступня – это серьезно. Гладиатор с лабрисом теперь заметно хромотал.

Но и Фульминат не остался без повреждений. Его кожаный доспех был глубоко прорублен в двух местах, причем в одном он покраснел от крови. Лицо и губы были разбиты (видимо, ударом щита), а на толстой шее отчетливо выделялся кровавый рубец – след от тупого удара.

Восстание поверженного зрителя встретили продолжительными воплями. Восторженно орала даже те, кто ставил против Фульмината.

Получивший секундную передышку негр демонстративно поклонился публике и вызвал еще один взрыв криков.

Но Коршунова больше интересовало, насколько он способен драться. В положении африканца даже легкая, но снижающая подвижность рана означала смерть.

Но, похоже, проворства у черного не убавилось. Более того, он решился на атаку. Это было красиво. Четкий проход между копейщиком и парнем с булавой (был огромный риск, что его зажмут щитами, но не успели), зацеп алебардой края щита гладиатора с мечом – и резкий рывок, бросивший мечника между Фульминатом и двумя остальными. И наплевав на то, что осталось за спиной, яростный бросок на парня с лабрисом.

Может, тот растерялся, оставшись вдруг наедине со Вспышкой Молнии, но, скорее всего, подвела нога – он не успел увернуться от удара алебарды. Легкий топорик вспорол ему ногу под коленом, а затем, когда гладиатор уже падал, четкий короткий удар мечом-кинжалом – в узкий проем шлема. Точно в глаз.

Всё. Минус один. Но африканец здорово устал. Могучая грудь так и ходила вверх-вниз. Казалось, даже сквозь рев трибун слышно, как дышит могучий негр.

Само собой, передышки ему не дали. В следующие тридцать секунд он получил три легкие раны – в плечо, в щеку и в бедро. Было ясно, что всё решится в ближайшие пару минут. Потом Фульминат ослабеет – уже не только от усталости, но и от потери крови. И его превратят в фарш.

Трое уцелевших тоже это знали, и немного ослабили напор. К чему рисковать, если через минуту-другую врага можно взять тепленьким. И убить его *красиво!* Это ведь не трудно, когда соперник еле держится на ногах.

Фульминат не замедлил воспользоваться некоторой расслабленностью врагов, посчитавших, что победа – у них в кармане. Вернее, в кошельке, потому что карманов в римской одежде не предусмотрено.

Африканец снова взорвался, и на этот раз его жертвой стал мечник. Тот тоже потерял немало крови и более того, старался оберегать раненую ногу. Зря. Жалеть себя в таком бою нельзя категорически. Легкая алебарда негра раскрутилась с бешеной скоростью. Мечник попытался спрятаться за щитом – и опустил его слишком низко. Маленький топорик чиркнул его по горлу – чуть ниже подбородочного ремня. Коршунов мог бы поклясться, что мечник даже не заметил удара. Зато когда из его горла хлынул поток крови, это заметили все.

Двое оставшихся: парень с булавой и копейщик сообразили, что выжидать, пока противник свалится сам, смертельно опасно. И разом атаковали. Оба не слишком устали и не получили даже царапины. У них были серьезные шансы против измотанного раненого африканца. А того уже заметно пошатывало, движения потеряли четкость...

Напали напарники грамотно: тот, что с булавой, связал Фульмината боем, а второй зашел со спины. И с размаху всадил копьё ему в спину. Вернее, так предполагалось. Фульминат отшатнулся в сторону (совсем чуть-чуть, ровно настолько, чтобы копьё взрезало его доспех... И с силой воткнулось в щит гладиатора с булавой. И тот, от неожиданности или просто потому, что щит резко потяжелел, опустил свою главную защиту. На ладонь, не больше. Взмах алебарды – гладиатор вскинул булаву, защищая лицо, и описав красивую дугу, оружие Фульмината взрезало в его лодыжку. Разгон алебарды бы так силен, что лезвие топора напрочь отрубило ступню и воткнулось в песок.

Тут бы копейщику, пусть даже потерявшему оружие, и добить негра. В конце концов у него оставался щит. А тяжелым щитом с окованным краем можно сделать многое. Например врезать по шее так, что мало не покажется. Но копейщик просто испугался. Потеряв оружие, он быстренько отпрыгнул и бросился к оброненному мечником клинку.

Фульминат не стал за ним гоняться. Скорее всего, у него просто не было сил. Он упал на одно колено и, опершись на свою алебарду, переводил дух, не обращая внимания даже на проворно отползающего от него гладиатора с отрубленной ступней.

А уцелевший гладиатор тем временем нашел меч. И двинулся на Фульмината. Хотя тот и стоял на колене, его противнику все равно было страшно. И Коршунов его понимал. Остаться один на один с тем, кто только что положил троих твоих товарищей...

Толпа, видя этот страх, разразилась жуткими воплями. На песок полетела всякая дрянь: публика была возмущена.

Для настоящего гладиатора позор – хуже смерти. И парень повелся. Заорал для храбрости и кинулся в бой. Начал неплохо: поймал щитом колющий удар алебарды и – хоп! – перерубил ее древко. Вот теперь, решил он, теперь всё! Высокий замах, способный разрубить пополам череп вместе со шлемом... И Фульминат внезапно кувыркнулся вперед. Прямо под замах. И страшный клинок, вместо того, чтобы развалить ему голову, обрушился на спину. То есть уже не настолько страшный. Просто крепкий удар. Реально крепкий. Изрезанный нагрудник негра развалился надвое и осыпался на песок. На спине Фульмината тут же вспухла кровью длинная рана... И почти никто не понял, почему его противник мешком повалился на песок.

– Под мышку ткнул, – сказал, вернее крикнул, потому в общем бесновании невозможно было услышать даже самого себя, Тит Юний. – Вот это герой! Жаль, если помрет!

Фульминат лежал лицом вниз рядом с зарезанным противником. И нельзя было сказать, что он победил, потому что гладиатор с отрубленной ступней (он уже успел перетянуть культию набедренной повязкой) на четвереньках двигался к негру. Если он захочет его убить, то будет в своем праве. И станет единственным победителем.

Трибуны даже примолкли – так всем интересно было знать, чем всё закончится.

Фульминат лежал без движения. Его враг полз... И дополз. В спину бить не стал. Встал на колени, подхватил негра за руку и, поднатужившись, перевернул на спину. Подобрал оброненный напарником меч. Ждать, помилует ли поверженного народ и Коршунов, не стал. Наверное, подозревал, что – пощадят. А боец наверняка был зол на того, что его искалечил. И за товарищей хотел отомстить... Поднял меч, намереваясь воткнуть Фульминату в живот...

По-обезьяньи длинная рука взметнулась вверх (враг не видел – выбирал место, куда воткнуть меч) и короткий клинок Фульмината вошел под ребра врага. Прямо в печень. Вошел и вышел. Хлынуло, как из пробитой водопроводной трубы – потоком.

Нависший над Фульминатом гладиатор с удивлением поглядел на дырку в боку. Не исключено, что он не только ничего не увидел, но даже и боли не почувствовал. Случается такая фишка в бою – боль от страшной раны приходит не сразу.

Поглядел, удивился, задумался... Он бы еще мог убить Фульмината, но потерял драгоценные секунды... Мгновение-другое – и его повело в сторону, меч безвредно упал на широкую черную грудь, а сам гладиатор повалился поперек своего противника. Победителя.

Толпа бесновалась. Вот уж бой так бой. Даже те, кто потерял деньги, особо не печалились. О такой битве можно и детям, и внукам рассказывать...

Трудно сказать, что первым крикнул: «Свобода!». Но этот крик тут же подхватили тысячи глоток...

– Подари ему свободу, легат! – крикнул Коршунову патриций. – Пусть этот сын жабы, ланиста, задушится от жадности! Хотя я думаю, Фульминат всё равно не жилец...

Алексея не нужно было уговаривать. Он встал, вскинул руки и во все горло закричал:

– Свободен! Деревянный меч!³³ Он свободен! Фульминат свободен!

Услышали, само собой, немногие, но решения управителя игр тут же подхватили глашатаи и новая волна ликования захлестнула цирк.

Коршунов повернулся и поманил к себе Красного.

– Спустись вниз и позаботься о том, чтобы ему оказали помощь. Будет очень обидно, если такой воин умрет.

Очень правильное решение. Когда Красный спустился вниз, то оказалось, что до тяжело раненого Фульмината никому не было дела.

Ланисте – наплевать. Это теперь не его собственность.

У прочих – свои заботы. Друзей у негра не нашлось. Во всяком случае, поблизости. Если бы не предусмотрительность Коршунова, герой истек бы кровью, так и не придя в сознание.

В итоге они увезли победителя к себе. То есть в казарму, где расположились легионеры-варвары. Врача у них не было, зато имелось до черта всяких снадобий: мазей, притираний, лечебных трав... О бесконечном списке заговоренных предметов и дивно исцеляющих заклинаний и говорить нечего. На взгляд Коршунова куда более важным было то, что каждый третий гот умел качественно обработать практически любую рану, а человек пять-шесть смогли бы это сделать не хуже профессионального полевого хирурга. Местного, разумеется.

Собственно, по-настоящему серьезной была только рана в спину. Меч прорубил мышцы до самых ребер. Хорошо еще, что ребра уцелели. Вдобавок Фульминат потерял литра два крови – на песке и пока лежал, брошенный, в проходе под трибунами. Еще осложнило задачу то, что в рану набился песок.

Любой нормальный человек умер бы еще там, на арене. Но Фульминат, понятно, не был нормальным. Он был суперменом.

Он не помер, когда ему обрабатывали рану.

Не помер и на следующий день, когда его прихватила горячка...

И на пятый, и на седьмой. Швы на его спине так набухли, что даже не видно было стягивающих рану бараньих жил...

Всё это время он метался в бреду. Его поили отварами и сильно разбавленным вином с медом. Заботились всем коллективом. Всё равно в плавании делать нечего. Но особенно возился с ним Красный. Похоже, почувал родственную душу. Плевать, что черную. Так переживал, что даже съездил по морде гота, предложившего поставить пару денариев на «выживет-не выживет». Гот сильно обиделся. Видите ли, нос ему сломали. Но его гнев вызвал только

---

³³ Деревянный меч – символ освобождения гладиатора.

смешки, а в одиночку бросить вызов Красному – чистый идиотизм. Да Коршунов бы и не позволил.

Негр пришел в себя на девятый день. Как раз, когда «Любимчик» отшвартовался в Кесарии.

Очень вовремя.

– Где я? – спросил Фульминат на довольно-таки приличной латыни.

Ему объяснили.

– Что со мной было? – поинтересовался он. Боя он не помнил.

Ему рассказали про его подвиги. Понравилось.

– Почему я здесь? – спросил гладиатор. – Ланиста меня продал?

Ему объяснили и это. Мол, есть такой легат Алексей Виктор Мильв... Вот он-то и подарил Фульминату деревянный меч. А что взяли его с собой, так это тоже легат распорядился. И правильно, кстати, потому что иначе Фульминат непременно бы помер.

– Позовите его, – слабым голосом попросил раненый.

Позвали Коршунова. Тот пришел. Недовольный, потому что его оторвали от увлекательного занятия: форматирования мозгов кесарийских портовых чиновников.

Фульминат поглядел на своего спасителя, потом протянул свою ручищу, которой позавидовал бы самец гориллы, вложил (насколько это было возможно) в руку Коршунова и чуть слышно произнес:

– Я – твой человек.

И отрубился.

Очень трогательно.

Алексей оценил. Велел:

– Заботьтесь о нем как следует!

Как будто о раненом плохо заботились!

Затем махнул рукой:

– Красный, за мной!

И ушел командовать.

Тоже правильно. Уже давно миновал полдень, надо разобраться с ночлегом. Глупо спать на борту, когда рядышком – столица провинции Палестина.

Глава девятая

Провинция Палестина. Кесария. Прокуратор

Коршунов полагал, что после Антиохии и Тира его трудно удивить.

У Кесарии – получилось. Причем с самого первого взгляда.

Кесарийская гавань была громадной. Больше, чем обе тирские, вместе взятые. И она была явно искусственного происхождения. Здесь были настоящие доки и настоящий маяк. И само собой – великое множество кораблей, в основном – торговых. Больших и малых, самой разной постройки и оснастки. «Любимчик Посейдона», отнюдь не малыш, просто потерялся между двумя здоровенными зерновозами. Вообще-то Коршунов велел швартовать судно на, так сказать, «служебной стоянке», где стояли боевые корабли и иные государственные суда. Но капитан просто не смог туда протиснуться, и Алексей решил, что пешком будет проще. Разумеется, везде были толпы народу. Разумеется, все чем-то занимались. Сгружали, разгружали, продавали рыбу, масло, фрукты, коз и овец... Словом, всё, что пожелаешь. Само собой, все эти люди непрерывно болтали. Вернее, вопили, стараясь переорать друг друга.

Но это – внизу. Стоило поднять взгляд выше уровня моря, как он сходу упирался в белоснежный сверкающий на солнце храм, который парил над городом, потрясая красотой и размерами.

– Храм Августа, – сообщил Коршунову капитан с такой гордостью, будто сам его возвел. – Ирод Великий построил. В честь своего друга римского императора Октавиана Августа! Там, внутри, статуя Августа. Вот это – чудо! Она не меньше, чем статуя Зевса Олимпийского!

Сюрприз. Капитан «Любимчика» оказался кесарийцем.

– Там, под холмом, – капитан указал на храм, – есть галереи, в которые могут заходить корабли. Не мой, конечно. «Любимчик» для этого слишком велик! – добавил он не без гордости.

Сразу за мысом располагался еще один залив, где чалилась всякая мелочь, а по ту сторону залива, прямо на рифе – дворец царя Ирода.

– Ирода Великого! – уточнил капитан. – Он наш город и построил. Краше его нет на всём побережье! Да ты сам скоро увидишь, домин.

И Коршунов увидел. Они все увидели. Даже привычные к римской архитектуре варвары и те впечатлились. Город был белоснежным. И не просто белоснежным. Благодаря вкраплениям слюды, алебастровые плиты, которыми были облицованы стены, не просто сверкали – они сияли, будто инкрустированные драгоценностями. Дворцы, дворцы, колонны, громадные статуи, великолепные арки... И притягивающий взгляды храм Августа – апофеоз Великой Римской империи.

Но к храму они не пошли. Повернули направо – к дворцу прокуратора.

Перед дворцом главы провинции, как обычно, располагался форум, который более походил на стихийный рынок, чем на место общих собраний.

Вход во дворец охраняли легионеры Шестого легиона. *Ferrata Fidelis Constans* – Железного, Вечно Честного. Алексей знал, что Черепанов очень хотел бы вернуть его из Галилеи в Сирию. Поближе к границе с Персией. Тут Шестой легион был намного нужнее, а для поддержания порядка в провинции Палестина хватило бы и одного Десятого. Шестой перегнали на случай нового иудейского восстания, но в настоящее время его вероятность была равна нулю. Закон запрещал проживание обрезанных в пределах провинции Палестина. А если какая-то часть коренного населения Иудеи и ухитрилась спрятаться, то явно не в том количестве и не с теми возможностями, чтобы затеять войну. По закону Черепанов, как наместник Сирии (а легион формально считался сирийским) имел право предложить легиону передислоцироваться. Но именно попросить, а не приказать, потому что приказы легаты получали непосред-

ственно из Рима. В том числе и приказы поступать в распоряжение наместников провинций. Так что сбудутся чаяния Геннадия или нет, зависело от командира легиона. И от прокуратора Палестины. Судя по тому, что увидел Коршунов у дверей прокураторского дворца, хозяин провинции вряд ли поддержит идею сирийского наместника. Что же до легата, то нужно быть очень большим патриотом, чтобы бросить не просто насиженное, а отлично обустроенное и спокойное место в Галилее и перебраться черт-те куда, в сирийскую пустыню – под возможный удар персидской латной конницы.

Увидев военного легата в сопровождении двух кентурий отлично экипированных солдат, охрана уважительно отдала салют. Разумеется, препятствий Коршунову никто не чинил. Прихватив с собой для солидности десяток парней, он проследовал внутрь.

Внутри было хорошо. Свежо, прохладно и тихо. Журчали фонтаны. Негромко переговаривались чиновники. Здесь была приемная и зал, где вершили суд прокураторы Кесарии. И жилые помещения, окна которых выходили к морю, но туда, в апартаменты прокуратора посетителям дворца доступ был закрыт и там же сейчас находился прокуратор, потому что болел. Впрочем, для военного легата Алексия было сделано исключение. Его пропустили.

Из уважения к больному, Алексей вошел в опочивальню один.

Прокуратор был стар. И то, что он болел – не удивительно. Судя по его лицу, жизнь он вел отнюдь не аскетическую. Даже сейчас перед ним на столике стоял жареный поросенок, кусочки от которого отрезала и отправляла в рот прокуратору очень даже сексуальная мулаточка.

Алексей представился.

Прокуратор захотел узнать, как поживает наместник Геннадий Павел. А также его очаровательная жена Корнелия Преста, с отцом которой, Антонином Гордианом-Младшим, он, прокуратор, был весьма дружен. Коршунов ответил: нормально поживают, можно сказать – хорошо.

– Рад, – кивнул прокуратор и бессильно откинулся на подушки. Поросятину, впрочем, жевать не перестал.

Прожевав, поинтересовался, чем вызван визит легата в Кесарию. Коршунов ответил уклончиво, но сказал, что конечной целью путешествия является Иерусалим.

Прокуратор удивился. И насторожился. Он был опытный политический лис и привык к тому, что всё непонятное может оказаться опасным. А следовательно – надо проконтролировать.

– Я пришлю тебе проводника, – великодушно пообещал он. – Хорошего. Такого, что проведет вас наилучшей дорогой.

Коршунову было известно, что к Иерусалиму ведет вполне приличная дорога с соответствующими указателями, однако спорить не стал. Хочет прокуратор приставить к ним соглядата – его право. Алексею скрывать нечего. А будет чего – так и это не проблема. Сорвется бедняга с какой-нибудь скалы – и привет близким.

Но в свои планы Алексей все же внес некоторые коррективы: отложил посещение лагеря Шестого легиона, которым был так заинтересован Черепанов, на обратный путь.

Откланявшись, Коршунов покинул дворец и занялся размещением своих людей. И себя заодно. С этим сложностей не возникло. Казенных гостиниц хватало. Правда, уровень комфорта оставлял желать лучшего, но Алексей не собирался задерживаться надолго.

Дав легионерам добро на самостоятельные развлечения, он с Настей и Красным занялся осмотром достопримечательностей.

Они посетили амфитеатр-ипподром, хоть и уступавший размерами тирскому, но тоже далеко не маленький. Побывали в огромном двухъярусном театре, в котором с самого утра шло представление (оплачивал какой-то местный политик), потом прогулялись к дворцу Ирода, на обратном пути зашли в приличную с виду таверну в районе порта и полакомились свежими

морепродуктами. Затем поднялись в храм Августа и убедились, что да, капитан был прав: статуя императора была просто громадная. Причем не одна. Рядом возвышалась статуя, символизирующая империю. Сразу видно, уважал царь Ирод и римскую архитектуру и римскую власть. Власть, впрочем, платила ему тем же. В частности, подарила землю, на которой он и построил свою Кесарию. Такая дружба с чужеземными властителями и их богами могла бы показаться странной – для царя Иудеи. Но как оказалось, Ирод был вовсе не иудеем, а принадлежал к племени идумеев. Как понял Коршунов, они были кем-то вроде арабов на современном ему Ближнем Востоке³⁴. То есть доставали иудеев как только могли. Каким образом их представитель стал иудейским царем – загадка³⁵. Но – факт.

В таверне на Коршунова косились: целый легат в простой таверне, это примерно как генерал-лейтенант, без свиты забредший в солдатскую столовку – перекусить.

Но никто не лез. А обслуживали просто замечательно: на серебре, лучшие блюда, лучшее вино. Коршунов, довольный, щедро расплатился и они отправились дальше. Посетили улицу, сплошь заставленную здоровенными скульптурами – самой высшей пробы, затем отыскиали термы... Где легат и застал большую часть своих товарищей.

Термы были – так себе. В сравнении с прочим. Но зато места хватало. Местные старались держаться подальше от здоровенных татуированных готов. Следовательно, тесниться не приходилось.

Там, в термах, и встретили вечер.

Прокуратор не обманул. Прислал проводника-шпиона, мелкого, носатого, кучерявого... И невероятно веселого. Так и сыпавшего всякими историями и анекдотами.

Утром отбыть не получилось. Следовало подготовиться к дороге. Обратно Коршунов намеревался возвращаться сушей, так что с капитаном и его «Любимчиком» они распрощались.

Теперь нужно было приобрести лошадей. В лошадях Алексей разбирался слабо, но у него хватало специалистов. Еще следовало раздобыть деньги. Алексей взял их в Кесарийском банке (под расписку, которая потом будет оплачена из казны легиона – хорошо быть легатом!) и выдал Ахвизре. Тот отправился на рынок купил три сотни лошадей: выючных и верховых, фураж, провиант и возок для Фультината. Негр пошел на поправку, но не настолько, чтобы усидеть в седле. Участие Коршунова в дорожных покупках заключалась в том, что он приобрел еще один симпатичный возок с шелковыми занавесками. Для Насти. Анастасия в восторг не пришла: она бы предпочла ехать верхом, а не трястись в душной коробке. Коршунов пообещал, что верхом – тоже будет. Но в меру.

– Не хочу, чтобы ты стирала свои замечательные ножки о конские бока, – заявил он.

Аргумент был принят.

И вот, в четвертом часу (по римскому дневному времени) они наконец отправились в путь. В Иерусалим.

³⁴ Для тех, кому интересно: Коршунов не прав. Идумеи, хоть и были того же племени, что и израильтяне (их предком считался брат Исаака Исав), но жили в Ханаане еще до того, как там появились иудеи. Естественно и те и другие друг друга терпеть не могли. В итоге иудейский царь Гиркан Идумею завоевал и всех поголовно обратил в иудаизм. Впрочем, в новом государстве идумеи были гражданами второго сорта. Позже и те, и другие перешли под протекторат Рима, а еще позже Идумейское царство было упразднено и вошло в состав римской провинции Аравия. Больше об Идумее никто не слышал. Но сами идумеи – остались.

³⁵ Это как раз понятно. С помощью римлян. И именно, как человек, который будет проводить проримскую политику. Он и проводил. Громил повстанцев, плющил недовольных. Жесток был – крайне. Резал не только чужих, но и своих. Однако снискал прозвище – Великий. Уж больно выдающийся строитель был.

* * *

По дороге Красный рассказал историю Фульмината. Обычную, в общем, историю. С очень необычным главным героем.

Фульмината привезли в Тир из Африки, когда ему было года три-четыре. Само собой, звали его тогда не Фульминатом, а Симией, обезьянкой. Для этого и купили – зверушку, чтобы развлекать патрицианских деток.

Зверушка получилась – не очень. Непослушная, агрессивная. Пацанчика лупили, наказывали... Никакого толка.

Потом негритенок подрос, и его, как нечто совершенно бесполезное, сделали «чучелом» для тренировок патрицианского сынка в фехтовании. Первый год всё вроде шло неплохо (с точки зрения хозяев), но потом сынишка перестал попадать по черненькому деревянным мечом. «Чучело» не давало сдачи (еще чего не хватало!), но это совсем, знаете ли, неинтересно – всё время промахиваться. Ребенок расстроился. Негритенка наказали. Но он всё равно уворачивался.

Трудно сказать, как обернулась бы судьба семилетнего африканца, если бы один из гостей хозяина дома не оказался родственником известного ланисты.

Ровно за сто сестерциев (дешевле, чем купили), негритенка продали в тирскую гладиаторскую школу.

Там он прижился. Сначала просто помогал по хозяйству, потом, лет в десять, его начали понемногу обучать. Это был довольно редкий случай. Обычно в школу попадали взрослые. Кто – из пленных, кто – из преступников, кто – сам продавался, а кто шел на арену просто пощекотать нервы. Негритенок был единственным исключением. И самым молодым из настоящих гладиаторов, выходивших на арену цирка. В первый раз его выпустили на разогрев, когда ему было тринадцать лет. И – пошло. К восемнадцати он был уже признанным бойцом, стоившим по меньшей мере пятьдесят тысяч сестерциев. К девятнадцати ни в Тире, ни в окрестных городах уже не было противника, которого бы рискнули выставить против Вспышки Молнии. Его выпускали в исключительных случаях. Обычно против двоих опытных гладиаторов. Фульминат всё равно побеждал.

Примерно за месяц до того, как Коршунов прибыл в Тир, Фульминат бился один против троих на празднике Квинкватрий³⁶ – и победил. Даже не получил серьезных ран, хотя победа далась ему нелегко.

Что было дальше – известно.

Алексей не особенно много общался с выздоравливающим, но с Красным Фульминат, определенно, подружился. Ну и славно. Если всё сложится, будет у Коршунова два личных телохранителя. Причем второй – именно такой, о котором говорил Черепанов. Из тех, что убивают быстрее убийц.

---

³⁶ Гладиаторские игры в честь Минервы, богини искусств и ремесел и бога Марса.

Глава десятая

Элия Капитолина. На развалинах Иерусалима

До Иерусалима добирались двое суток. Дорога была довольно приличная, вот только практически безлюдная. Время от времени разведчики замечали людей. В отдалении. Или на высоте. Люди эти доверия не внушали. Подозрения подтвердил и проводник.

– Нехорошие люди, – сказал он. – Преступники.

Впрочем встречались и окультуренные участки: виноградники, оливковые рощи... Однако и там никто не спешил к легионерам с дружескими объятиями.

– Римлян здесь не любят, – пояснил проводник.

Хотелось бы знать, где любят завоевателей?

Один раз переночевали в мансионе³⁷. Комфорта никакого, зато для воинов Рима – всё бесплатно. И стены качественные.

Во второй раз пришлось встать лагерем в открытом поле. Вернее, в закрытой долине. Славной такой долине, с ручейком, виноградниками и цветущими садами. Местность здесь была довольно холмистой, и, узрев эти холмы, проводник сообщил: Иерусалим уже близко.

Владел долиной какой-то местный. Он прислал дров – чтоб не рубили его деревья. И пяток баранов – чтоб славные воины не шарились по его земле.

Коршунов инициативу одобрил и «обследование территории» запретил.

На ночь на окрестных холмах выставили караулы. Под утро те взяли «лазутчиков»: маленького пастушонка и стайку коз с козлятами.

Пастушонка и коз отпустили, а козлят пустили под нож раньше, чем Коршунов успел вмешаться.

Может и к лучшему, вареный в молоке козленок – отменная штука.

Подступы к Иерусалиму «охраняли» холмы. Не очень высокие – метров по 600–700, но впечатляющие. Слово естественные стены. Дорога к городу шла между двумя такими холмами. За ними начинался город. Вернее, его развалины. Грандиозные развалины, надо отметить. А посредине – чистый и геометрический правильный римский город. Элия Капитолина. Город, построенный императором Элием Адрианом и увековечивший в названии родовое имя основателя и имя Капитолия.

Городок был небольшой, но даже издали видно – римский до мозга костей. На воротах красовался дикий вепрь, один из символов Десятого легиона, беспощадно подавившего восстание иудеев и превратившего в развалины великий город.

Зато внутри всё было так же привычно для жителя Империи, как сеть МакДональдс для среднего американца.

Геометрическая планировка римского лагеря, арки, храмы, аккуратная мостовая с неглубокими бороздками на плитах – чтобы кони не оскальзывались. Термы, два форума, Преторий... В него-то Коршунова и направился.

Легат Десятого легиона Проливов оказался не из тех благородных, которые становятся легатами, отслужив год-два трибунами-латиклавиями и построив политическую карьеру, а настоящий ветеран и типичный служака.

Гостям легат искренне обрадовался. Тоже понятно. Скучно здесь. Врагов нет, потому что всех иудеев отсюда изгнали еще сто лет назад. Разбойники... Ну, с этим справятся и две алы ауксилариев. Элия Капитолина – не та великая столица, какой был когда-то Иерусалим.

---

³⁷ Мансион – это такая здоровенная государственная гостиница, больше смахивающая на казарму.

Просто провинциальный городок. Более того, гарнизонный городок, где всё вертится вокруг легиона, но у самого легиона нет ни настоящих задач, ни проблем, в решении которых требовалось бы участие легата. Разве что деньги из Рима выбивать да мелкие интриги разруливать. Да плескаться в термах с бассейном, который солдаты обустроили для себя с особым тщанием.

Гость и хозяин прилично посидели, выпили, закусили – довольно изысканно. Алексей поведал легату все известные новости. И не новости. Само собой, легат был в курсе того, что происходит в Риме – государственная почта работала исправно. Однако одно дело – быть в курсе, а другое – знать.

Пришлось Коршунов рассказывать ему и о гибели Александра Севера с матерью, и о разборках в столице, в которых Алексей принимал непосредственное участие. Затем о том, как сменилась власть в Сирии. Легат поинтересовался, как там поживает Маний Митрил Скорпион, с которым когда-то приятельствовал. Алексей его порадовал: сообщил, что Скорпион теперь – префект лагеря в «личном» легионе наместника. А поскольку наместнику и без того есть, чем заняться, то на Мании фактически лежат обязанности легата. Документы в Рим уже посланы, но пока что Скорпиона в легатах не утвердили. Видимо, юному императору не до этого. Но утвердит, куда он денется.

Поговорили о Персии, об Ардашире... Легат (тогда еще всего лишь первый пил второй когорты, как ныне Ахвизра) участвовал в ней и был о военной машине персов очень высокого мнения. Мягко намекал: может, наместник Геннадий Павел похлопочет, чтобы его легион перевели в Сирию?

Алексей обещал поговорить, но в итоге сильно сомневался. Если даже Шестой легион вряд ли удастся перевести, то уж о Десятом и говорить нечего.

Вечером они с Настей побродили по развалинам. Не в одиночку, само собой, а со свитой из охраны, факельщиков и приданных легатом двух местных кентурионов, которым полагалось хорошо ориентироваться в руинах разрушенного города.

Они и ориентировались. Но – специфически. То есть – где и что можно раздобыть полезного или ценного.

Настю и Алексея Иерусалим интересовал в первую очередь как христианская святыня, но никаких следов пребывания Господа они найти не смогли. Кентурионы лишь показали им небольшое здание в самом городе, которое было христианской молельней. Там останавливались редкие паломники. Этим появляться в Иерусалиме не препятствовали. Лишь бы – необрезанные. А даже если и обрезанные – никто не проверял. Больно надо! Со времен последнего восстания сто лет прошло. Кого опасаться?

Глава одиннадцатая

Элия Капитолина. Потомки повстанцев

Алексей проснулся перед рассветом. Настя спала. Черные волосы волной накрыли подушку. Она спала и улыбалась.

Умиленный Коршунов не стал ее будить. Бесшумно поднялся, умылся, выпил разбавленного водой вина и решил прогуляться. В одиночестве.

Что и сделал. Доспехи надевать не стал. Накинул плащ поверх туники, опоясался мечом и отправился.

Бродить по развалинам древнего города без шумной свиты было намного душевнее. Солнышко только-только взошло, подкрасив верхушки холмов. Звуки города пропали где-то вдали. Трепетно пели птицы. Над миром стояла такая благодать, что сердце сжималось.

Алексей спустился с холма, миновал разрушенную стену и двинулся. Дальше. Шел, куда глаза глядят... И дошагался.

Стрела с чмоканьем воткнулась в землю у его ног.

Коршунов посмотрел сначала на стрелу.

Ничего особенного, с такими на зайца ходить. Да только без доспехов и такая стрела может проделать в организме очень неприятное отверстие.

Затем Алексей поглядел на того, кто стрелял.

Тоже ничего особенного: заросший по глаза простолюдин, в рваньё, с ножом на поясе и холщевой котомкой на плече.

Ага, а вот и второй. Тоже – с луком. Рядом, в землю, железком вверх воткнуто копье. Так себе копье. Палка с плохой железякой. Но – острое.

И третий нарисовался. Похожи, как братья. Черные курчавые волосы, спутанные, как овечья шерсть, худые, жилистые, загорелые.

– И что вам надо? – спросил Коршунов спокойно.

А что волноваться? Хотели бы убить – уже убили бы. Он ведь гулял, как по собственному поместью. Лоханулся, одним словом.

Тот, кто стрелял, самый старший и самый волосатый, гортанно что-то пролаял. Похоже на арамейский, но не понять ни черта.

Волосатый сообразил, что его не понимают, показал жестом: меч и нож – на землю.

Коршунов подчинился. Расстегнул пояс, аккуратно положил на землю. Еще продирают с испугу. В том, что справится с этими дикими аборигенами, Алексей ничуть не сомневался. Лишь бы подошли поближе.

Но волосатый оказался хитер.

«Теперь отойди!» – показал он.

Алексей отошел. Второй тут же прибрал оружие. Нацепил пояс на себя. Пояс оказался велик, спадал, но оборванца это не смутило. Засмеялся, сказал что-то... гордое.

Старший цыкнул сердито и второй отбежал на пару шагов. Как раз когда Коршунов примеривался, как половчее его скрутить и прикрыться.

«Пойдешь с нами», – тоже знаками объявил волосатый.

С вами, так с вами. Алексей по-прежнему не очень напрягался.

– Повезло вам, ребята, – сказал он по-русски. – Имперского легата в плен захватили.

Второй что-то пробормотал сердито и ткнул Коршунова копьем в спину. Больно!

– Полегче, сучонок, – тоже по-русски, (всё равно ведь не понимают) прорычал Алексей. – Будешь хамить – руки обломаю!

Интонация дошла. Больше его в спину не кололи.

Двинулись вверх. По какой-то каменной осыпи. Старший – впереди. Второй – сзади с копьем, а третий, с луком наизготовку, параллельно. Чернявые похитители прыгали по валунам с легкостью горных коз. Это было нехорошо, потому что на такой местности у Коршунова не было никакой возможности для маневра. А у оборванцев – была.

Что ж, придется идти, куда ведут.

Шли долго. Часа три. Коршунов взмок и запыхался. А оборванцам – хоть бы что.

«Меня, наверное, уже хватились», – подумал Алексей. И что дальше?

Стража видела, как он покидал город. Наблюдатель с вышки наверняка проследил, куда он пошел (делать-то ему все равно нечего), а затем, тоже наверняка, потерял Алексея из виду. Коршунова будут искать. Но как? Готы – отличные следопыты. Но не в этой местности. Скалы, щебень, каменистые тропки... Не найдут. Разве что начнут прочесывать местность. Но это долго. Значит, придется выпутываться самому. Ладно, в первый раз, что ли?

Часа через четыре очередная тропка вывела нечаянных спутников Алексея в маленькую долинку. Зеленая травка, козочки пасутся... И – вход в пещеру. Пастушок, мальчишка лет семи, с изумлением уставился на Коршунова.

«Сесть!» – жестом показал старший. Бросил что-то пастушку, тот пискнул в ответ.

Старший вразвалочку направился в зев пещеры. Коршунов сидел на молодой травке. Изучал окрестности. Его сторожа расслабились. Тот, что с копьем пытался поудобнее пристроить пояс Коршунова. Тот, что с луком, опустил оружие и с воодушевлением скребся под мышкой. Коршунов без проблем мог бы свалить их обоих, но во-первых, не хотел устраивать боины при мальчишке, а во-вторых, понятия не имел, что там, в пещере. Вдруг там взвод автоматчиков или типа того?

Старший вернулся. Не один. С ним пришел дедок самого патриархального вида: седые патлы, борода ах до пояса, лицо сурового аскета. Бодрый еще дедок. Шаг легкий, плечи в разворот.

Глянул раз – и немедленно набросился на сына. Что сын, Коршунов догадался не столько по сходству (все они были – одного замеса), а по формату обращения. Примерно так же когда-то гот Фретила орал на своих младших сыновей.

Волосатый вяло бурчал в ответ. Оправдывался.

Зря. Старик орал, орал, а потом так врезал сынку по волосатой морде – аж треск пошел. Врезал – и успокоился.

Подошел к Коршунову. Опустился на корточки (в разрезе серой рубахи качнулся какой-то серебряный знак на засаленном кожаном ремешке. С минуту разглядывал Алексея, а потом спросил на том средиземноморской диалекте, а которым болтают на побережье:

– Кто ты, человек?

– Хозяин должен назвать свое имя первым! – по-гречески отчеканил Коршунов.

Старичина задумался. Но – понял.

Хлопнул себя в грудь:

– Элиегу, сын Нисима, – сообщил он.

– Алексей, сын Виктора, – поделился информацией Коршунов.

– Мои глупые сыновья, более тупые, чем эти козы, привели тебя сюда, – констатировал очевидное дедушка Элиегу.

– Да, – согласился Коршунов. – Зачем?

– Затем, что если бы я не знал их мать, да упокоится она в мире, я бы подумал, что они вышли их чрева козы. Ты – солдат из города римлян?

– Да, – кивнул Коршунов. Диалог, судя по всему налаживался. Старейшина не одобрял инициативы молодежи. Так что есть шанс, что Алексея отпустят. – Но я – не просто солдат.

– Я понял это по твоему оружию.

Теперь дедушка старался говорить по-гречески. В основном.

– Разделишь с нами трапезу? – предложил патриарх.

– Да.

Ко всему прочему время завтрака давно миновало, и Коршунов порядком проголодался.

Они отправились в пещеру. Что характерно, оружия ему не вернули.

Взвода автоматчиков внутри не наблюдалось. Четыре женщины разного возраста, девчонка лет десяти и еще одна – годика три, не больше. Все – чумазные и говорливые.

Впрочем, при появлении Коршунова тут же заткнулись.

Дедушка показал жестом на валун, накрытый вытертой шкурой: присаживайся.

Алексею вручили глиняную чашку с козьим молоком, кусок свежего козьего сыра на виноградном листе и пшеничную лепешку, очень твердую, со странными привкусом, но вполне съедобную.

Алексей и впрямь очень проголодался, потому что эта простая еда показалась невероятно вкусной. Ели только они с дедом. Остальные лишь смотрели. Ели и разговаривали.

– Это пшеница? – спросил Коршунов, показав лепешку.

Дед подтвердил.

– Откуда?

Отвечать ему не хотелось. Но он все же ответил:

– Не ворованное. Хранилище для зерна, – сказал дед. – Очень старое. Все забыли. Осталось с времен Бар-Кохбы, да будет вечно помниться его имя!

Бар-Кохба был предводителем последнего иудейского восстания. Сто лет назад. Он был крут. Это признали даже враги.

Бар-Кохба три года терзал римлян партизанской войной, а под конец вообще вышиб их из Иерусалима и продержался несколько дней, пока подоспевшие легионы не задавили его числом. Причем потери римлян были такими, что император Адриан, сообщая Сенату о своей победе над иудеями, даже опустил из речи традиционную формулу «со мной всё в порядке и с моей армией всё в порядке».

– Ты – иудей? – напрямик спросил Коршунов.

Тот подумал... Потом с достоинством кивнул.

– Разве не из-за вашего Бар-Кохбы иудеев изгнали отсюда? – спросил Алексей.

Тот покачал головой.

– Ваш император отнял у нас всё, – сказал он. – Запретил нашу веру. У иудеев не было выбора. Так рассказывал мне дед. И он не лгал.

Коршунов не стал спорить. При желании все документы можно найти в римских архивах. Только зачем? А то неизвестно, как это бывает? Большой и сильный дядя приходит и насаждает свои «единственно правильные» идеалы. Полностью уверенный в том, что облагодетельствовал «меньших братьев», и теперь они ему по гроб жизни обязаны.

Маленькая девочка с огромными синими глазищами забралась Алексею на колени. Пахло от нее на удивление приятно. Молоком, дымком и весенними травами.

Забралась – и в оба глаза уставилась на сыр. Коршунов протянул сыр ей. Сыр исчез, будто по волшебству.

«Они же голодные, – сообразил Алексей. – А я ем их еду!»

И поспешно отставил миску с недопитым молоком. Перехватил взгляд деда и сказал:

– Благодарю, я сыт!

Надо бы им денег оставить... Это же полная нищета. Но нет с собой денег.

«Ладно, – подумал Коршунов. – Подарю им нож».

Хороший нож, даже немного жалко. Он с ним с тех пор, как по Генкиному приказу Коршунова сняли с креста.

– Я пойду, – сказал он деду.

Патриарх вперил в него взгляд: ясный, испытующий... Это был вопрос...

«Нет, – качнул головой Коршунов. – Я вас не выдам».

Как бы он сам поступил на месте деда? Поверил бы? Не факт. Наверное, все-таки убил бы пленника-римлянина. Он ведь не только за себя отвечает – за всех: от «козоумного» старшего сына до этой синеглазой малышки.

Убил бы и увел своих подальше. Потому что Коршунова будут искать. И непременно доберутся до этой милой пещерки. Хотя искать будут долго. За это время можно увести своих далеко-далеко... И умереть с голоду по дороге. Вряд ли им еще раз удастся найти каменную цистерну со столетним зерном...

Но дед – поверил. Каркнул что-то на своем гортанном наречии...

В пещеру взбежал парень, завладевший поясом Коршунова. Уже без пояса. Залопотал что-то быстро-быстро.

Дед прислушался... Кивнул.

Коршунов тоже прислушался... и услышал лай собак.

Ну конечно! На кой нужен следопыт-человек, если есть четвероногие.

Он выбежал из пещеры. Его не остановили, только козы подались в сторону, недовольно мемекая.

Так и есть. Поисковая партия. Легионеры. Солнце так и играет на полированных шлемах.

– Мое оружие! – рявкнул Коршунов, спустившись обратно в долинку.

Поняли без перевода. Черноволосый оборванец приволок добычу. Отдал. Чуть не плача.

Коршунов хлопнул его по плечу, вытянул из чехла нож:

– На! Тебе!

Тот замотал головой: на надо! В глазах – страх. Решил, что Коршунов хочет его зарезать. Старший тут же подступил, махнул дрянным копьём... Мол, только попробуй!

Не понимал, верно, что с мечом Коршунов мог бы в три секунды положить всех?

Алексей засмеялся и протянул ему нож – рукояткой вперед.

Волосатый взял неуверенно... Расплылся в улыбке.

Алексей и его хлопнул по плечу:

– Бывай, козий сын! И больше мне не попадайся!

И побежал вверх по склону. Погоню следовало остановить раньше, чем псы учуют запах жилья. Если нору дедушки Элиегу обнаружат, будет им кисло. Закон о запрете на проживание для иудеев никто не отменял.

Сразу по возвращении Коршунова перехватил бенефициарий легата. Командующий Десятым легионом желал разделить с гостем ленч...

... Который плавно перешел в обед. Только к исходу десятого часа, то есть в пять после полудня по более привычному для Алексея отсчету времени, изрядно отяжелевшему от вина и жарчки Коршунову удалось вырваться из-за стола.

И он отправился к своим, чтобы известить, что завтра они отбывают.

Никто, естественно, не спорил. Потом Ахвизра спросил:

– Скажи-ка, рикс, а что ты не поделил с этими людьми?

– С какими людьми? – мгновенно насторожился Алексей.

– Да с козопасами местными.

– Так... Откуда ты знаешь? Я же вышел вам навстречу.

Ахвизра ухмыльнулся. Красивый он мужик, вот только выражение лица... слишком хищное.

– Прогулялись по твоим следам. Интересно же узнать: кто захватил в плен самого рикса Аласейю.

Вот значит как... Ну, конечно! Там, где его прихватили, не скалы, а нормальная, хоть и каменистая земля. На такой готы не то, что каждый шаг, каждый чих прочитают.

– И что вы с ними сделали?

Ахвизра пожал плечами:

– Да ничего. Головы отрезали...

Коршунов побагровел, открыл, было, рот... Но тут по хитрым ромам готов понял, что его разыгрывают.

– Ничего не сделали, – довольный Ахвизра улыбнулся в пятьдесят два зуба. – У них и взять-то нечего. Разве что нож, который ты подарил.

– Откуда ты знаешь, что подарил? – в свою очередь поинтересовался Коршунов. – Может, силой отняли?

– Да ладно тебе, рикс! Мы все знаем, что воин из тебя, как из осла – колесничный рысак... – Несколько молодых заржали, но Ахвизра обернулся стремительно, глянул – и весельчаки вмиг заткнулись. – ...Но обращаться с мечом тебя сам Агилмунд учил. Да и я тоже. Попался ты, верно, как девчушка у пруда, но потом вполне мог их посесть. Так?

– Так, – кивнул Алексей.

– Но не убил. Значит, чем-то они тебя заинтересовали, Аласейя. Чем?

– Их предки, – сказал Коршунов, – когда-то правили этой землей. Потом пришли римляне и захватили их. Много лет они бились с Римом, но сначала они не могли поладить меж собой, а потом их осталось слишком мало, чтобы победить. И теперь им запрещено жить на земле отцов. Но они – живут.

Готы некоторое время молчали. Обдумывали сказанное. Наконец Ахвизра, мысливший быстрее других, сказал:

– Теперь я понимаю, почему ты подарил им свой нож. Хотел поделиться с ними удачей.

– Вроде того, – не стал оспаривать неожиданный вывод Коршунов.

– Что ж, – резюмировал Ахвизра. – Твоя удача велика. Может, и придет время, когда они вернут себе свою землю...

* * *

На следующий день они уехали.

На обратном пути Коршунов, как и планировал, навестил городок Легио, где стоял Шестой Железный Неизменно Честный легион.

Но разговора с его командиром не получилось. Легат даже не соизволил принять Алексея, сказавшись больным. Это было вранье. Пообщавшись с примипилом Шестого и угостив его кувшинчиком вина, Коршунов узнал, что легат не только вполне здоров для своих пятидесяти, но недавно еще и женился. На любимой племяннице прокуратора Кесарии. Так что теперь вернуть легион в Сирию может только император. А император этого делать не станет. На хрена ему? Так что – облом.

Однако вернуться в Антиохию к празднику Флоралий они успели.

Часть вторая

Железная грива персидского льва

«EX UNGUE LEONEM»³⁸

Глава первая

Девятьсот девяносто второй год от

Основания Рима. Весна. Антиохия. Дворец

наместника и его, наместника, проблемы

Во дворце Генка был один. Вернее, не один, конечно. Тут была прорва народу: чиновники из канцелярии, обслуга, докладчики, просители, фрументарии³⁹ и прочий полезный и бесполезный люд. Не было Корнелии.

– Отправил супругу в деревню, – сообщил Алексею Черепанов. – До Флоралий.

Под деревней подразумевалась роскошная вилла на берегу Средиземного моря, в тридцати милях от столицы провинции, купленная Корнелией «для летнего отдыха». И здесь, в Сирии, патрицианка желала следовать аристократической римской традиции: уезжать из города в жаркое время года. Подальше от болотных и городских миазмов столицы империи. В Антиохии с болотами было напряженно, однако традиция есть традиция. Да и морской климат тоже неплохо. Черепанов покупку одобрил.

– Как сплавал, Леха?

– Превосходно! – Коршунов уселся на табурет и без спросу налил из кувшинчика местного медового морсу. – Море новых впечатлений. Привет тебе от префекта Одиннадцатого Молниеоружного! Он – весь твой.

– Кто бы сомневался. Я им жалование за год заслал из провинциальной казны. Что еще?

– Красивая у тебя провинция!

– У нас, – рассеянно поправил Черепанов, проглядывая очередное донесение. – Что в Палестине?

– Боюсь, Шестого легиона тебе не видать. Прикинь, прокуратор шпиона ко мне приставил: вдруг я в лагерь Шестого направляюсь? Ну я его все же навестил на обратном пути. Только без толку. Там такой хмырь сидит: со мной даже разговаривать отказался. Он, как мне сказали, на племяннице кесарийского прокуратора женился. Хоть на дуэль его вызывай. Как легат – легата, – Алексей хмыкнул. – Зато командир Десятого легиона очень к нам просится. Скучно ему там, на развалинах...

– Пусть скучает дальше, – буркнул Черепанов. – Десятый хорошо, если на треть укомплектован. А вот Шестой... Эх, прокуратор! Пердун старый!

– Давай его убьем! – оживился Алексей.

---

³⁸ «По когтям льва узнают». Римская поговорка, встречающаяся в разных вариантах у разных античных авторов, в частности – у Тита Лукреция Кара.

³⁹ В данном случае – тайные агенты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.